

Сказание очевидца о Шамиле

Источник: <https://kp.rusneb.ru/item/material/skazanie-ochevidca-o-shamile>

Сохранено в архиве decolonial.is: 30.08.2026 · файлов в оригинале: 1

СКАЗАНИЕ ОЧЕВИДЦА О ШАМИЛЕ

ВСТУПЛЕНИЕ Великий Русский Император есть глава семи стран [по понятиям мусульман, вся земля разделяется на семь частей]. Он укрывает под сенью своего крыла всех земных владетелей; его меча и силы боятся 62 народа; никто не в состоянии сопротивляться ему и враждовать с ним; могущество его потрясает троны врагов и дворцы противников; он подчинил себе весь свет. Это — великий океан, снисходительный к виновным, щедрый к просящим, прибежище всего мира; море благородства, великого могущества и бесчисленных сокровищ; рудник мужества и храбрости, источник благодетельных и милостей. ПРИЧИНА СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ Я — катиб (писатель) Гаджи-Али, сын Абдул-Малека-Эфенди, житель селения Чох, из племени Нахибаши, общества Андалал Дагестанской области. Родился я в 1234 (1817) году 11 числа месяца рамазана гиджры. В продолжении восьми лет учился я корану. Потом в течение 18-ти лет занимался изучением арабских наук под руководством ученых Дагестана [Первые уроки арабского языка даны мне были отцом моим; потом занимался я у Ёлисуйского Казан-Эфенди, Гидатлинского Муртаза-али, Салтинского Хасана, Карахского Мухаммед-Тагира, Согратлинского Ахмед-Дебира и Дженгутаевского Айюба]. Науки, которые я изучал, следующие: грамматика арабского языка, законоведение, хадис (история Мухаммеда), тефсир (толкование корана), сияр (история войн, веденных Мухаммедом), тавхид (наука о единстве Божьем), сулюк или тарикат (наука о благочестии и газавате), аруз (стихосложение) и нуджум (астрономия). В 1251 году я изучал под руководством египетского инженера Гаджи-Юсуфа математику и архитектуру, знание которых необходимо каждому военному. Таким образом, я достиг того, что мог отличать полезное от вредного и дурное от хорошего. Истинное желание мое было вступить в службу Русскому Императору, в которой я застал отца моего при графе Паскевиче-Эриванском; в 1226 году и в 1231 он служил при бароне Розене, при котором состоял переводчиком. Судьба однако же привела меня служить Шамилю, и я служил ему усердно и честно. Причина этому была следующая. Я находился при Елисуйском Даниэль-Султане, а меньший брат мой был при князе Аргутинском. Когда Шамиль явился в Андалал и остановился в селении Чох, то жители пришли к нему и старались оклеветать нас, говоря: “Сыновья Малека-Эфенди бежали к русским, а сам он уже давно находится на их службе [в это время отец мой, будучи преклонных лет, в чине поручика, жил в Чохе]; поэтому его нужно убить или арестовать”. Шамиль арестовал его и отправил в селение Ансалты для заключения в темнице, говоря: “Если ты желаешь жить, то призови к себе детей своих; в противном случае, эта темница будет твоим гробом”. Потом, когда Шамиль в 1256 (1839) году был разбит русскими под начальством князя Аргутинского при Кюлюлю и Хозреке и отступил из Кази-Кумухского ханства, я с братом возвратился домой в Чох. Не нашедши старика-отца дома я получил сведение, что он арестован Шамилем и заключен в темницу в селение Ансалты, мы отправились туда. Когда мы пришли в это селение, Шамиль освободил нашего отца из заключения и отпустил его в Чох, а меня с братом оставил при себе. Итак, я должен был поступить на службу к Шамилю и был усерднейшим его слугой. По прошествии семи лет, так сказать, испытания, Шамиль стал ко

мне доверчив и поручил заведовать во всех 32-х наибствах постройками укреплений и другими работами. Я был инженером Шамиля, начальником стражи, вел счет его приходу и расходу, числу низама (войска) и иногда исполнял должность казначея и мирзы при нем. Поэтому, я мог вполне следить за его действиями, видеть его распоряжения, знать его переписку, войска, их число, количество орудий и снарядов, его казну, действия наибов и положение народа. Я никогда не разлучался с Шамилем ни в походах, ни дома, и он, наконец, убедившись в моей преданности, поручил мне следить за поступками и поведением его приближенных и ученых. Я нашел в сердцах этих приближенных и советников только зависть, клевету друг на друга и жадность к приобретению богатств какими бы то ни было способами; вопреки правилам, которых держался сам Шамиль. Следя за их поведением, я узнал людей, державших чистосердечно сторону Шамиля и покорявшихся ему по неволе, людей способных и к управлению Дагестаном и домогавшихся имамства. Ознакомившись с положением всех дел, я убедился в непрочности власти Шамиля, в неизбежном сокрушении его владычества и подпадения всего Дагестана под власть Русского Императора, потому что сподвижники Шамиля и его наибы крайне притесняли народ и нисколько не заботились о справедливости и благосостоянии в подведомственных им населенных пунктах. Они только думали о здешней жизни, старались обогатиться за счет народа и напрасно проливали кровь мусульман. Их несправедливость, корыстолюбие и притеснение народа достигли наконец крайних пределов. В книгах сказано: “Государство зависит от благосостояния городов”. Еще в другом месте говорится: “Власть с угнетением непродолжительна”. Размышляя о последствиях такого управления, я пожелал описать вкратце то, что сам видел с тех пор, как я находился при Шамиле, а также и то, что я слышал от людей достоверных; но не включил сюда народных рассказов и толков, потому что часто они бывают ложны, как я и встречал много книг, наполненных пустыми рассказами, не имеющими никакой основательности. Цель моя при составлении этой книги была — заслужить внимание и благосклонность на будущее время. Начата она в 1264 г. (1847—1849), кончена в 1276 г. (1859—1860 по Р. Х.).

О ДАГЕСТАНЕ

ВООБЩЕ Дагестан населяют несколько различных племен, поселения которых разбросаны по неприступным местам: ущельям, лесам и горам, по скалистым берегам быстрых рек, теснинам и горным долинам. Горцы дики, как сама природа, окружающая их, и хищны, как звери. Они добывают себе пропитание, тщательно обрабатывая каждый удобный клочок земли по склонам и уступам гор. Прежде они исповедывали разные религии и управлялись князем Сурака [в Дагестане есть предание, что аварцы суть пришельцы с севера, из племени Руссов, что они управлялись князьями из рода, именуемого Сургат, который властвовал над Аварией до смерти Омархана аварского в 1801 году], из племени Руссов, столицей которого было аварское селение Танус. Сурака был силен и могуществен. Когда в 200 году гиджры Абу-Муслим из Сирии покорил Дагестан и силою оружия заставил горцев принять мухаммеданскую веру, Дагестан сделался рудником ученых и храбрых. Абу-Муслим, наложив посильную дань на дагестанские племена, поставил в каждом из них хана из своих родственников. В таком положении находился Дагестан долгое время. Поколения и ханы сменялись, а с ними изменялось положение горцев; они начали приходить в упадок; каждый стал предаваться своим страстям и наклонностям, одни сделались разбойниками, другие ворами; стали делать набеги на Гурджистан, Туш и Мосок [Грузия, Тушетия и Ахалцихская провинция]; с тем вместе возникли междоусобные брани и родовая вражда племен. По словам стариков, земля Дагестана сделалась смесью крови, драк и раздоров. Эти междоусобия, войны с пограничными странами и, наконец, в последнее время упорная война с русскими при Казимухаммеде, Гамзат-беке и Шамиле не прекращались до сего дня. Теперь же корень войны,

беспорядков и смут пресечен могуществом русских. **ДАГЕСТАНСКИЕ ХАНЫ И ИХ ИЗБРАНИЕ** Со времен сирийского Абу-Муслим-хана, Дагестан большей частью управлялся потомками его, под именами ханов и беков. Главнейшими из них были ханы аварские, избрание которых было совершенно сходно с избранием русских царей. На троне аварском не восседал никто кроме ханов из рода Сурака, до его пресечения в мужском и женском колене, как это известно и подтверждается сохранившимися рукописями и преданием. Если бы прекратился род аварских ханов, то на престол должен был быть избран хан из русских, грузин или армян, что не могло случиться в других ханствах Дагестана. Избрание прочих дагестанских ханов, как-то: шамхалов, ханов цахурских, казикумухских, мехтулинских и кайтагских, было совершенно иное; потому что титул хана давался иногда не по праву наследия, но тому, кто успевал присвоить его себе силою оружия, чему примеров очень много. Порядок же избрания аварских ханов по наследству в мужском и женском колене был с самого начала до сего времени одинаков, без всякого изменения. **КАЗИ-МУХАММЕД, ЕГО ДЕЙСТВИЯ И СМЕРТЬ** В 1244 (1827) году явился в селение Гимры Кази-Мухаммед, сын Исмаила, человек ученый и храбрый. Он действовал на народ своим умом и знанием, не проливал крови мусульман, не грабил их имущества, не прельщался земными благами и не дорожил жизнью; однако же он имел немного последователей, и власть его простиралась только на некоторые общества. Он почти безуспешно делал набеги на Дербент, Чечню и Назран в продолжении нескольких лет. Народ рассказывает про него многое, но верить этим рассказам трудно, тем более, что я решился писать только то, что сам видел и слышал от людей достоверных. В 1249 (1832) году, барон Розен предпринял экспедицию в Гимры и послал к Кази-Мухаммеду через Казикумухского Аслан-хана послов: тифлиского Сосия-бека, нухинского Али-Джан-бека и отца моего — чохского Абдул-Малека, со словесными предложениями и письмами о мире. Кази-Мухаммед, прочитав письма барона Розена, после двухдневных совещаний с находившимся в то время в Гимрах Гамзат-беком, написал в ответ следующее: “что касается до того, чтобы прекратить неприязненные действия и заключить мир, то это дело далекое. Мы только просим у вас пропустить одну тысячу конницы в Мекку. Это будет мир”. Барон Розен, прочитавши ответ Кази-Мухаммеда и увидевши его уклончивость, двинулся против него с отрядом из Чечни и осадил его в Гимрах. После упорного сражения, Кази-Мухаммед был убит, а Шамиль, бывший в то время его мюридом [быть мюридом — значит истинно веровать в Бога и поклоняться ему; одинаково стараться делать всем людям добро; не ослушиваться имама, не лгать перед ним; не изменять ему ни в чем, не брать взятки с народа; не воровать, но если что нужно, то попросить; главное же — исполнять без замедления все приказания имама, как бы они трудны ни были], раненный штыком в левую сторону груди, бежал. Русские, взяв большое число пленных и добычу, возвратились в Шуру, в 1249 (1832) году 3-го раджаба. Тело Кази-Мухаммеда отдано было русскими шамхалу Тарковскому, который предал его земле в сел. Тарках, что близ г. Петровска. Кази-Мухаммед кончил жизнь свою на 75 году. Он не имел детей, кроме одной дочери, которая умерла 10-ти лет. **ГАМЗАТ-БЕК И ЕГО ДЕЙСТВИЯ** По смерти Кази-Мухаммеда собрались сподвижники его, мюриды, приближенные, ученые и другие лица, и избрали Гамзат-бека, сына Али-Эскендер-бека Гоцатлинского, имамом. Это было в Гоцатле, 1251 (1834) года, месяца рамазана. Власть его сначала признали только Гоцатль, Ашильта, Гимры, Телетль и Могог. Он был учен и умен; в Дагестане никто не мог соперничать с ним в храбрости, он употреблял все усилия подчинить горцев своей власти и установить правильное управление. Однако прочие дагестанцы не признали его власти и объявили ему войну. С 300 человек Гамзат бросился на Андалал, и после стычки, в которой пало андалалцев 140 человек,

подчинил это общество своей власти; оттуда он направился на Цудахар и Акушу, которые после битвы, в которой пало 120 человек с их стороны, подчинились ему. Вслед за ним признали власть его Гидатль, Каранай, Тленсир, Тиндал, Бакалал, Титлан, Хиндалал и Андалал. Собрав войска от всех подчиненных обществ, куда ни появлялся он с войском, изъявляли ему свою покорность. Дойдя до Хунзаха, в котором заключилась аварская ханша Паху-бике со своими сыновьями Нуцал-ханом, Умма-ханом и Булачем, Гамзат осадил его. После сражения аварские ученые с согласия ханши, сделали предложение Гамзат-беку заключить мир. Гамзат потребовал выдачи в заложники младшего сына ханши Булач-хана. Не имея никакой надежды на помощь, просимую у казикумукского Аслан-хана, и лишившись войска, ханша принуждена была согласиться на требование Гамзат-бека и вручить ему Булач-хана. По заключению мира, Гамзат-бек приказал представить к нему Нуцал-хана и Умма-хана со всеми учеными и почетными лицами Аварии. Зная хитрость и коварство Гамзат-бека и товарища его Шамиля, Паху-бике решила послать двух сыновей с горстью оставшихся при ней храбрецов, сказав им: “О, герои! не страшитесь, будьте как львы и уповайте на Бога!”. Гамзат-бек принял сыновей Паху-бике в своей палатке. После вечерней молитвы и проповеди к народу Гамзат-бек и Шамиль скрылись из лагеря. Тотчас же завязалась перестрелка между хунзахцами, прибывшими с ханами и мюридами. Нуцал-хан и Нур-Мухаммед Аварский были убиты перед палаткой, а Умма-хан в палатке. Хунзахцы, полагая, что Гамзат-бек находился в то время в палатке, испещрили ее меткими выстрелами, как решето. Таким образом погибли в этот день два аварских хана и много почетных лиц и героев Хунзаха, трупы которых были обнажены и оставлены среди лагеря. На другой день Гамзат-бек приказал умертвить старуху Паху-бике, убийство которой воспрещается законами. Гимринец Салихилау ворвался во двор ханши, которая в то время читала коран и, схватив ее за руку, ввел в конюшню, где и отрубил ей голову шашкой. Шамиль, по приказанию Гамзат-бека, ограбил ханский дворец, отправился с Булач-ханом в Гоцатль, где, оставив его, возвратился сам в Гимры. Гамзат-бек поселился в ханском дворце в Хунзахе, а войска распустил по домам. Народ, видя несправедливые поступки Гамзат-бека, перестал за него молиться и стал говорить: “Гамзат поплатится жизнью за убийство преклонной ханши”. И действительно, спустя несколько времени, Гамзат был изрублен на куски в мечети Османом, братом Хаджи-Мурата и другими за отмщение за убийство ханов. Тогда Авария осталась без хана и начальника, как стадо без пастуха. Что касается до Аслан-хана, у которого ханша Паху-бике просила помощи, то он в то время стоял со всем войском своим на Турчи-Даге, откуда тайно посылал письма Гамзат-беку и ханше, советуя первому истребить всех членов аварского ханского дома, а второй отнюдь не покоряться Гамзат-беку и не принимать от него никаких предложений [причиною вражды был отказ Паху-бике в руке дочери Аслан-хану. Дочь эта была выдана впоследствии за шамхала Тарковского], потому что он был чанка [рожденный от неравного брака бека и простой], а она дочь Умма-хана, владельца Дагестана; и вместе с тем обнадеживал ее, что он скоро придет к ней на помощь со всем своим войском. Таким образом Аслан-хан склонял Гамзата к такому низкому поступку — погубить аварских ханов в отмщение за ту вражду, которая была между ним и Паху-бике.

ШАМИЛЬ И ЕГО ИМАМСТВО По умерщвлении Гамзата, власть имама перешла к Шамилю, сыну Мухаммеда Гимрийского, дагестанскому узденю, родственнику казикумукских ханов по матери. Народ и ученые из некоторых деревень Хиндалала (Койсубу), собравшись в Ашильту, избрали его имамом. Избрание происходило таким образом: кадии и народ, собравшись в главную ашильтинскую мечеть, послали за Шамилем. Он пришел в мечеть пешком, с 5-ю мюридами и сел в михрабе (место в мечети, где кадий совершает общественную молитву). Тогда главный кадий обратился к нему с вопросом:

“Согласен ли ты быть нашим имамом, Шамиль?” Шамиль отвечал: “Согласен”, После этого ответа кадий стал молиться за упрочение имамства Шамиля, продление его жизни и дарование счастья и благополучия народу, признавшему над собою его власть. Затем кадий, подняв руки к небу, произнес “фатиха”, что значит: кончено, быть посему и по обычаю погладил обеими руками бороду; народ тоже,, подняв руки к небу, отвечал: аминь, аминь, аминь! И гладил бороды. Окончив этот обряд, кадий, а за ним весь народ и ученые, подходили к Шамилю, целовали у него руку и поздравляли его, говоря: “Да будет благословенно твое имамство”. По избрании Шамиль отправился домой в Гимры, где по обычаю угощал всех почетных людей и ученых. Шамиль был человек ученый, набожный, проникательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время хороший наездник, стрелок, пловец, борец, бегун, одним словом — никто ни в чем не мог состязаться с ним. Он хорошо изучил народ и землю Дагестана в то время, как находился при Гамзат-беке. Он был способен на все, чтобы не задумал предпринять. В начале имамства Шамиля, власть его признавалась только койсубулинцами. Через 15 дней после избрания, Шамиль с 100 человеками отправился из Ашильты к горе Атлада (в Койсубу), около селения Буцра, откуда послал в Гоцатль 50 человек с приказанием привезти оттуда казну и сокровища аварской ханши Паху-бике, а также сына ее Булач-хана, который оставался там, все вещи байтул-мала и оружие, отобранное Гамзатом у народа в виде залога мира. Мюриды, взяв в Гоцатле 11-летнего Булач-хана, обучавшегося в то время корану, все вещи байтул-мала и оружие, на сорока лошадях, а также скот, собранный прежде Гамзат-беком (кроме наследства, доставшегося ему от отца), привезли к Шамилю. Он отправил всю казну в Ашильту, а Булач-хана оставил в селении Харачи, что около Унцукуля, приказав жителям кормить и хранить его. В тот же день Шамиль, услышавши, что русские приближаются к Гимрам, отправился туда с 40 человеками. После небольшой перестрелки, русские возвратились к Эрпелям, а Шамиль в Ашильту, куда он приказал привезти Булач-хана и бросить его в реку с моста между Унцукулем и Гимрами. Салихилау, убийца матери Булач-хана, исполнил это гнусное приказание. После этого Шамиль, окружив себя мюридами, разъезжал по селениям Койсубу и вводил везде в действие коран и шариат. Постоянное пребывание он имел преимущественно в Ашильте и Чиркате. ПРИБЫТИЕ ГЕНЕРАЛОВ КЛЮКИ-ФОН-КЛЮГЕНАУ И ЛАНСКОГО С ОТРЯДОМ В ГОЦАТЛЬ Спустя месяц после убийства Гамзат-бека и утверждения Шамиля имамом, в начале осени 1251 (1834) года 12 джемалу-ахира, генералы Клюки-фон-Клюгенау и Ланской, прибыв с отрядом в Гоцатль, расположились в садах этого селения и успели захватить в добычу все имущество и стада жителей оного. В этом отряде участвовали шамхал с братом, казикумухский Аслан-хан с двумя сыновьями, Нуцал-ханом и Мухаммед-Мирзою и другими казикумухскими беками, мехтулинский Ахмед-хан с братом Али-Султаном, а также конница Андалала и Аварии и все почетные лица Дагестана. Здесь произошло совещание между главными русскими начальниками, ханами, учеными и почетными лицами, относительно назначения временного хана в Аварию, и приведения народа к присяге на верность Русскому Императору, с обязательством считать врагами всех врагов России, как-то Шамиля и ему подобных. Все ханы желали получить управление Аварским ханством. На площади Умман-Каута произошел долгий спор. Наконец встал ученый Аслан-хан казикумухский и сказал: “Знайте, что престол Аварии есть престол русского князя Сурака, — так не простирайте ваших видов на него, потому что вы не из его поколения. В случае же прекращения этого рода, как в мужском, так и в женском колоне, я самый ближайший наследник аварского престола (мать Аслан-хана была родная сестра Умма-хана аварского). Так где же вам получить трон аварский?” Высшее русское начальство осталось довольно его речью и согласилось назначить сына Аслан-хана, Мухаммед-

Мирзу, правителем Аварии на место убитого Нуцал-хана, сына Паху-бике, впредь до совершеннолетия потомка Умма-хана [жена Нуцал-хана осталась после него беременною и родила сына, который отправлен был в Россию и умер там]. Потом генерал Клюки-фон-Клюгенау принял присягу от 10—20 человек почетных каждого общества в верности. Из Андалала присягнуло 20 человек; первым присягнул из селения Цугура, что в Согратле, Мухамед-кади. Они поклялись и подтвердили, что будут в точности исполнять приказания русского правительства и отнюдь не будут следовать внушениям Шамиля. Потом Клюки-фон-Клюгенау, обратившись к присягнувшим, сказал: “Кто преступит эти обещания и клятвы и подвергнется учению Шамиля, тот будет лишен своего звания и места и подвергнется всей строгости наказания клятвопреступников, хотя бы то был хан, бек, кадий или другое какое-либо лицо”. При этом он подарил каждому присягнувшему по три голландских червонца. Присягу давал Нурич из селения Тухита; переводчиком в то время был штабс-капитан Абдул-Малек. Приказав сжечь селение Гоцатль, Ключенау с отрядом возвратился в Темир-Хан-Шуру. Когда пришел Шамиль, то присягнувшие первые изъявили ему покорность, а некоторые сделались его наибями. Об этом я буду говорить подробно ниже. Зимой того года Шамиль с семейством и родственниками проводил в Гимрах, Игали, Чиркате и Ашильте, откуда, научая мюридов, делал набеги на Аварию, отбивал у жителей скот, грабил и жег деревни.

ПРИБЫТИЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ФЕЗИ В АВАРИЮ Когда Шамиль, по возвращении Клюки-фон-Клюгенау из Гоцатля, начал усиливаться и наносить вред аварцам, разоряя их селения, тогда почетнейшие и ученые люди отправлялись с разрешения Клюки-фон-Клюгенау в Тифлис к главнокомандующему просить помощи, говоря, что Шамиль их враг и хочет истребить всех их, подобно тому, как истребил их ханов. Барон Розен приказал отправиться генерал-майору Фези с отрядом в Аварию в 1252 (1835) году. Фези, прибыв к Карадахскому мосту, остановился там с отрядом и приказал исправить дороги; потом, поднявшись в Аварию, он расположился в Хунзахе и занялся постройкою крепости, башен, укреплением опасных мест и назначением стражи на границе с враждебными обществами. По смерти казикумукского Аслан-хана и его сына Нуцал-хана, Мухаммед-Мирза-хан оставил Аварию и принял Казикумукское ханство. На место его генерал Фези назначил управляющим Аварией Ягья-хана казикумукского, племянника Аслан-хана. Ягья-Гаджи-хан, видя беспокойное состояние Дагестана, просил уволить его и на место его был назначен Ахмед-хан мекхтулинский, на тех же правах, как и Мухаммед-Мирза-хан. Услышав о беспорядках в Телетле, генерал Фези приказал Мухаммед-Мирзе-хану отправиться вперед в Телетль, а сам с главными силами последовал за ним через Голотлинский мост, взяв с собою Ахмед-хана и конницу Аварии.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ШАМИЛЯ И ГАДЖИ-ТАШАУ В ТЕЛЕТЛЬ НА ПОМОЩЬ КИБИТ-МУХАММЕДУ Телетлинский Кибит-Мухаммед, сын хана Хачулав-Мухаммеда, был человек бедный, но ученый. Он сопутствовал Гамзату и Шамилю во всех их походах, с завистью смотрел на их власть и могущество и имел сильное желание достигнуть значения в народе и быть после Шамиля имамом. С этой целью он с помощью хитрости возмутил народ и истребил телетлинских беков (33 человека) в один день, сжигая их вместе с женами и детьми. Кибит-Мухаммед продолжал действовать таким образом и говорил, что он поступает по шариату. Генерал Фези, узнавши о таковых действиях Кибит-Мухаммеда, выступил в 1252 (1835) году против него с отрядом из всего Дагестана, чтобы наказать его и захватить там Шамиля и Ташау-Гаджи, чеченского ученого и друга Шамиля. Прибыв к Телетлю, он остановился на телетлиноких посевах и окружил аул. После сражения русские завладели половиной селения. Шамиль и Кибит-Мухаммед заперлись в мечети и 20-ти саклях. Они ослабели от большой потери, и голода, а потому, не имея сил более защищаться, послали

секретно письма к Мухаммед-Мирзе-хану, прося его устроить мир между ними и русскими. Мухаммед-Мирза-хан настаивал заключить мир и успел обольстить генерала Фези. Мир был заключен. Фези с отрядом возвратился в Аварию. Заложниками мира были: племянник Шамиля по сестре Гамзат и племянник Кибит-Мухаммеда. Что касается до Ахмед-хана, то он желал погасить возмущение в Дагестане прекращением рода Кибит-Мухаммеда, взятием Шамиля и его товарищей и разорением Телетля так, чтобы не осталось в нем камня на камне. Поэтому между Ахмед-ханом и Мухаммед-Мирзой-ханом возникла неприязнь за то, что сей последний обманул генерала Фези и склонил его заключить мир и тем помог Шамилю и Кибит-Мухаммеду избавиться от неизбежной гибели. Из Телетля Шамиль и Ташау-Гаджи со спутниками своими направились через Гидатль в Чирката. Здесь нужно заметить, что Шамиль выступил на помощь Кибит-Мухаммеду в Телетль с 300 всадниками. Когда он прибыл в Карату, то жители Ахваха, узнав об его намерении, преградили ему путь между Ахвахом и Асабом; но после угроз пропустили. Достигнув до селения Асаба, что в Гидатле, он встречен был жителями Гидатля, как враг, и после перестрелки принужден был бежать обратно с такой поспешностью, что женщины ахвахские, встретив сподвижников его, завладели значками их и отняли весь съестной запас. Шамиль с трудом добрался до Зунуба (покосные места Караты) и укрывался в одной пещере 12 дней с небольшим числом спутников, потом тайно ночью пробрался через ахвахские деревни до моста Гида. Гидатлинцы не позволили ему перейти через мост. Он обратился к селению Ратлу, перешел в селение Кэх через мост и достигнул Телетля через возвышенности Каралал. Такого труда стоило Шамилю придти на помощь к Кибит-Мухаммеду. На возвратном же пути он не встречал подобных препятствий. Перед прибытием в Телетль Шамиль послал с возвышенности Каралал в Андалал письмо следующего содержания: “Я и вы — братья по религии. Две собаки дерутся, но когда увидят волка, то, забыв свою вражду, вместе бросаются на него. Хотя мы враги между собою, но русские — волк наш, а потому прошу вас соединиться со мною и сражаться против общего врага; если вы не поможете мне, то Бог — моя помощь”. Андалалцы не приняли его просьбы и с генералом Фези пошли против него в Телетль. В следующие три года Шамиль делал беспрестанные, не успешные набеги на окрестные сел. Койсубу: Игали, Харачи, Харадирих, Мушули; в Гумбет и Андю. Но аварцы под начальством хунзахского Хаджи-Мурата, Кара-Киши, Химмад-бека, Шах-Шабека Дженгутаевского и других, везде препятствовали его успехам. Все эти схватки были между одними мусульманами, без участия русских.

ВСТУПЛЕНИЕ ШАМИЛЯ В АХУЛЬГО И ЕГО УКРЫТИЕ Шамиль не извлек никакой пользы из своих набегов. Лишившись всякой надежды на содействие и помощь дагестанцев, видя себя окруженным со всех сторон врагами, как русскими, так и вольными племенами Дагестана, не хотевшими подчиниться его власти, и слыша о приближении русских, он избрал Ахульго и, войдя в него с небольшим числом мюридов, приказал провести с одной доступной стороны ров (Ахульго окружен с трех сторон обрывом), укрепить его и построить для себя дом, в котором стал ожидать прихода русских. В начале лета 1256 (1839) года месяца рабиуль-аввала, генерал Граббе с отрядом, в котором участвовали Мехтулинский Ахмед-хаджи и вся конница Дагестана, прибыл в Ахульго и осадил его. Три месяца продолжалась осада: русские предложили Шамилю выдать в заложники одного из его сыновей. Он согласился и вручил им малолетнего своего сына, Джемалэддина. Потом потребовали, чтобы он сам приехал в лагерь. Шамиль, опасаясь измены, отказался и решился защищаться. После 12-ти часового штурма русские завладели укреплением. Шамиль с семейством и семьей приверженцами: Мухаммедом-Ах-Берды-Хунзахским, гоцатлинцами: Мухаммедом Худанат-оглы, Бамматом-Мухаммедом-бек-оглы, Пилятом Мухаммед-оглы, чиркеевцем Юнусом Мухаммед-оглы, Нур-

Али Харадирихским и Зираром Али-оглы Шагадийским, спустился по обрыву на берег Койсу и скрывался там под скалою три дня, откуда на четвертые сутки бежал ночью в Шубут. Русские, получив в добычу всю казну Шамиля и его имение, взяв в плен много семейств, возвратились через Чиркей в Шуру.

ВСТУПЛЕНИЕ ШАМИЛЯ В ГЕХИ И ЧЕЧНЮ По мере того, как усиливались притеснения генерала Пулло над чеченцами, увеличивались и просьбы последних к Шамилю, чтобы он пришел освободить их. Шамиль с радостью спешил исполнить их желание. В 1256 (1839) году, спустя 5 месяцев после бегства из Ахульго, зимой, Шамиль явился с горстью своих мюридов в селение Атах, что в Гехи, жители которого тотчас же признали его имамом. Таким же образом покорились все селения Гехи и Чечни. Потом по приглашению Шамиль отправился в Аух и Салатау, которые также признали его имамом. Шамиль, увлеченный успехом, прибыл через Чиркей со скопищем чеченцев, салатавцев и чиркеевцев в селение Ишкарты, в надежде что шамхальцы так же примут его. Посланный против него небольшой отряд русских с шамхалом и Ахмед-ханом был им окружен; но на другой день вовремя подоспели главные силы русских, выручили шамхала и Ахмед-хана и Шамиль принужден был отступить обратно через Чиркей, Буртунай и Баяв в Дарго-Ведено, которые он избрал своей резиденцией. Число мугаджиров (дезертиров) постоянно возрастало; в скором времени Дарго стало многолюдным селением. Шамиль постоянно получал со всех сторон приглашения придти с войском и никогда не отказывался. Он умел снискать своими ласками и обещаниями расположение дагестанцев, заслужить их доверие и привлечь на свою сторону умных, ученых, и влиятельных людей, которых назначал своими наибями. Таким образом, ему подчинились: Чечня, Гумбет, Салатавия, Анди, Шубут, Киялал, Ункратль, Чамалал, Нуцатли, Калалал, Боголал, Гидатль, Баклаж, Тетлал и Каралал. И несмотря на то, что горцы народ дикий, склонный к грабежам и разбоям, с боязнью смотрящий на всякое нововведение, они признали его своим имамом, и до такой степени предалися ему, что по приказанию его жертвовали жизнью и сражались против своих отцов, братьев и детей. Шамиль со своей стороны заботился о подчиненных, как о родных детях. Упрочивши свою власть назначением преданных ему людей наибями, Шамиль занялся приведением в исполнение шариата, искоренением обычаев, противных его постановлениям, как-то: курения табака, употребления горячих напитков и проч. В некоторых местах, как например, в Гидатле, Боголале, Цунте, Чамалале и других, женщины до Шамиля не носили штанов. Прекратив междоусобные брани и родовые неприязни, Шамиль слил общества в один народ, готовый исполнять все его приказания. Горцы беспрекословно, наружно и внутренне, принимали и исполняли все его распоряжения. Шамиль был признателен к ним и по заслугам награждал каждого; он старался направить их на истинный путь и доставить им пользу и удобства жизни, никогда не отступал от шариата (исключая два случая); он вел газават, как предписывают коран и хадис. Слава и влияние его на Дагестан после того со дня на день увеличивались в продолжении пяти лет, до 1262 (1845) года.

НАПАДЕНИЕ ШАМИЛЯ НА КАЗИКУМУХСКОЕ ХАНСТВО И ПОКОРЕНИЕ ЕГО В конце 1257 (1840) года, Шамиль по просьбе казикумухцев, направился с войском через Андию, Карату, Телетль в Казикумухское ханство и остановился в Ругудже. В тот же день генерал Фези прибыл в Чох. Поутру чохские старшины и ученые пришли к Фези и просили его возвратиться. Фези согласился, но со своей стороны приказал чохцам попросить Шамиля, чтобы он не приходил к ним; в противном случае, если они позволят вступить ему, то все чохские купцы, находящиеся в Тифлисе и других местах, будут арестованы и сосланы в Сибирь, а товары их, в которых и они участники, будут конфискованы. По возвращении Фези, чохцы послали к Шамилю в Ругуджу двух ученых Мухаммеда-Пирау и Ахмада Ханзад-оглы, просить его возвратиться назад и передать ему слова генерала Фези.

Шамиль как будто принял их просьбу, сказал послам, что вечером возвратится в Телетль и просил их быть покойными. Чохские послы возвратились. Шамиль же, пользуясь туманным днем, двинулся вслед за ними. Чохцы, узнавши от послов, что Шамиль возвратился к вечеру в Телетль, были совершенно спокойны. Но вдруг внизу послышался гимн мюридов “ла-илага-илля-ллаг” и показались значки их. Шамиль употребил такую хитрость, потому что боялся сопротивления чохцев. Он застал их врасплох. Чохцы не оказали никакого сопротивления и убедительно просили Шамиля возвратиться. Шамиль согласился и сказал: “Я возвращаюсь в Ругуджу только для освобождения ваших купцов”. Чохцы были очень благодарны. Ночью Шамиль из Ругуджи, освещая путь факелами направился через мост Анада к Казикумухскому ханству. К утру он достиг селения Бухды и в тот же день после перестрелки вошел с войском в сел. Кумух, убил там дженгутаевского Ягья-бека Будай-оглы с тринадцатью человеками, пленил князя Грузинского, Мухаммед-Кадия-Цугура и некоторых других жителей Кумуха. Взяв в заложники Махмуд-хана и Тагир-бек-оглы, племянника Аслан-хана, сына Гарун-бека Мирзу-Зану и многих других почетных лиц и назначив наибом казикумухским Гаджи-Ягья-хана, сына Тагир-бека, Шамиль возвратился с большой добычей в Дарго. По прибытии в Дарго, Шамиль занялся литьем орудий и изготовлением военных припасов для войны с русскими и мусульманами, не признававшими его власти, отдав приказание убивать всех мятежников и людей подозрительных, а имущества их конфисковать. Отлитием орудий занимались Гаджи-Джебраил Унцукульский и Муса Казикумухский; первый познакомился с этим искусством в Египте во время путешествия своего в Мекку, а второй был хороший оружейный мастер и помогал ему.

ПРИБЫТИЕ ПОСЛА ЕГИПЕТСКОГО ПАШИ ИБРАГИМА, ИНЖЕНЕРА ЮСУФА-ГАДЖИ В 1257 (1840) году приехал через Чечню из Египта по просьбе Шамиля, инженер Юсуф-Гаджи Юсуф-Зада-оглы. Он обладал знаниями, неизвестными до того времени никому в Дагестане. Он хорошо знал все науки и в особенности математику и архитектуру. Когда Шамиль увидел его громадные знания, то приказал мне учиться у него математике и архитектуре и Гаджи-Юсуф передал мне все свои знания. Потом, по совету Гаджи-Юсуфа Шамиль устроил низам (регулярное войско), разделив его на сотни и десятки и поставил в каждом обществе наиба. Юсуф-Гаджи занимался постройкой укреплений и всячески старался содействовать предприятиям Шамиля по управлению и в военных действиях. Таким образом власть Шамиля в Дагестане еще более увеличилась и приказания его возымели большую силу, чем прежде. Шамиль видел в этом явную пользу и уважал Юсуфа, как виновника всех улучшений. Однако же приближенные и наибы, видя сильное влияние Юсуфа, старались оклеветать его перед Шамилем. Шамиль вел переписку с хункером (турецким султаном) и просил у него помощи. Хункер постоянно обещал прислать войско и со своей стороны просил Шамиля не унывать и действовать. Так как письма хункера были писаны по-турецки, то никто, кроме Юсуфа не мог читать их. Наибы воспользовались этим и сказали, что Юсуф передает все сведения эти русским. Шамиль поверил словам их и прогневался на Юсуфа, и несмотря на все его заслуги, конфисковал его имение и сослал в селение Ахна, что в Тинди, которое горцы называли Сибирью. Три года Юсуф провел в изгнании, несмотря на все ходатайства за него. Потом через Чарби и Чахнер он бежал в Грозную, где был благосклонно принят. Он скончался в Грозной 1272 (1855) года, спустя восемь месяцев после бегства.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ШАМИЛЯ В ДАГЕСТАНЕ И ВЗЯТИЕ РУССКИХ УКРЕПЛЕНИЙ Когда увеличилось притеснение русских и мусульманских начальников над подвластными русскому правительству дагестанскими племенами, то начали беспрерывно приходить из Унцукуля и других селений Дагестана, в особенности из Аварии, послы и письма, призывая Шамиля освободить их от ига русских, обещая повиноваться ему и

в точности исполнять все его приказания. В 1260 (1843) г., 1-го шаабана, Шамиль выступил из Дарго с 10-ю тысячами конницы и 3-мя орудиями своего приготовления. По прибытии в Мухиту, что между Унцукулем и Ашильтою, он приказал наибам с частью авангарда подняться на гору перед Унцукулем и опять поспешно спуститься назад, а когда унцукульцы выедут на тревогу, думая, что это набег одного какого-нибудь наиба, что и прежде часто случалось, то чтобы броситься на них и наказать их за дерзость. Наибы поступили как приказал Шамиль. При появлении авангарда на горе унцукульские юноши выехали на тревогу и, полагая, что это партия какого-нибудь наиба, бросились на них. Когда они подскакали на близкое расстояние, то вся конница Шамиля бросилась на них; унцукульцы обратились в бегство; их преследовали до самой деревни, и они оставили на дороге около ста тел. Потом Шамиль окружил селение Унцукуль. После несколькихдневной осады русские под начальством Клюки-фон-Клюгенау пришли на помощь и остановились в сел. Харачи. Клюки-фон-Клюгенау приказал части отряда занять унцукульские сады и завладеть дорогой. Сады были заняты, но завладеть дорогой в Унцукуль русские не могли. После сражения, в котором русские потеряли 300 человек убитыми и два орудия, Клюки-фон-Клюгенау возвратился с отрядом в Аварию. Унцукульцы и русский гарнизон, истощив силы и не имея надежды на помощь, послали пристава Кибиг-Гаджи и поручика Аносова с солдатами (около 150) просить помощи. Шамиль сказал Аносову: “Зачем ты сражался со мною?” Аносов отвечал: “Потому что ты враг нашего царя, а мы его слуги и должны сражаться с врагами сколько достанет силы; я не мог выиграть победы, но если бы остались снаряды, то я не перестал бы сражаться с тобой”. Крепость и селение по приказанию Шамиля были сожжены и разрушены, так что не осталось камня на камне. Две пушки, скот и прочее имущество унцукульцев и солдат были разграблены так, что не оставили даже иглы. На другой день Шамиль двинулся к Балаканам. После небольшой перестрелки, поручик Думинский с гарнизоном и одной пушкой, сдался военнопленным. Оттуда Шамиль направился в Цатаных, где стоял с ротой храбрый капитан Дементьев. Неумолкаемая перестрелка происходила с вечера до утра; за каждой амбразурой лежало по 1000 и больше гильз от патронов солдатских; пушки их разогрелись от частых выстрелов, так что нельзя было прикоснуться к ним рукою. Войско Шамиля потеряло много убитыми и ранеными. Из солдат никто не положил оружия. Наконец силы Шамиля завладели укреплением и двумя пушками со всеми снарядами. Потом Шамиль прибыл с войском в Танус и, остановившись в доме Мухаммеда, отправил несколько партий по селениям Аварии, откуда, по прибытии их все приверженцы русских бежали в Хунзах, где находился в то время Клюки-фон-Клюгенау с отрядом. В селении Акачи был с ротою прапорщик Золотов — большой трус. Он без всякого сопротивления сложил оружие и явился с ротою, одною пушкой и всеми снарядами к Шамилю в Танус. В селении Гоцатль стоял с двумя ротами капитан Кузьменко, цвет лица которого был железный. Это был настоящий храбрец. Шамиль послал против него Кибит-Мухаммеда и Абдурахмана Карахокого с четырьмя тысячами. После продолжительной перестрелки ему предложили сдаться военнопленным, говоря, что прапорщик Золотов сдался и теперь находится у Шамиля и что нет никакой пользы сопротивляться таким силам с этой горстью войска. Кузьменко не поверил и просил, чтобы к нему привели Золотова. Золотов был приведен и сказал ему: “Выходи, потому что ты не в силах сопротивляться, а если сдашься, то будет тебе большая польза”. Кузьменко закричал на него из башни: “Да будешь ты проклят Богом! Ты ел хлеб царя Русского, носил его одежду, а теперь служишь его врагу. Я же умру здесь!”. Потом закричал роте: “К ружью!” — и завязалась перестрелка. Лафет у орудия русских был разбит, солдаты ослабели; укрепление было взято со всеми запасами и орудиями. Капитан Кузьменко, с оставшимися в живых 20-ю солдатами, был представлен Шамилю в

Танус. Сам генерал Ключюи-фон-Клюгенау был осажден в Хунзахе. Таким образом дела продолжались до конца месяца. **ПРИБЫТИЕ КНЯЗЯ АРГУТИНСКОГО И ОСАЖДЕНИЕ ШАМИЛЯ В ТАНУСЕ** Князь Аргутинский, услышав, что Шамиль проник во внутренность Аварии и осадил в Хунзахе Ключюи-фон-Клюгенау, двинулся из Казикумуха с русскими, андалалцами, казикумухцами и цудахарцами и остановился в укреплении Гергебиль. Наибы, узнав о прибытии Аргутинского в Гергебиль, немного испугались и хотели возвратиться с добычей, которая была уже в их руках. Шамиль, видя, что наибы трусили, пожелал секретно испытать их. Он созвал их и сказал: “Дошло известие, что Аргут с большими силами остановился в Гергебиле; так что вы считаете за лучшее: возвратиться или остановиться здесь, чтобы сражаться? А этот проклятый Аргут — бурдюк обманов, коварный, хитрый, настоящая лисица”. Наибы пришли в испуг и хотели возвратиться, но никто не решался этого предложить. Кибит-Мухаммед сказал: “Я лично предпочитаю возвратиться”. Шамиль разгневался и оказал: “Возвращайся ты, Кибит-Мухаммед! Мы знаем твою трусость, и ты в подобных случаях говоришь, как женщина. Что же касается до меня, то я не хочу возвращаться, чтобы вслед мне смеялся этот армянин и его товарищи — богоотступники! Я согласен скорее умереть, чем оставаться в живых и переносить такое посрамление! Вы можете возвратиться куда хотите, а мне достаточно этих товарищей!” И указал на мюридов. После такой речи, наибы немного ободрились. Шамиль послал навстречу Аргутинскому наиба Нур-Али с чарбинцами в Бухната (место около Гоцатля). После упорного сражения наиб и чарбинцы бежали. За ним Шамиль послал Хаджи-Мурата; он не в силах был сразиться и возвратился с войском в Танус. Аргутинский подошел к Танусу. Ключюи-фон-Клюгенау тоже вышел из Хунзаха и соединился с ним. После семидневной осады Аргутинский, не находя возможности вытеснить Шамиля из Тануса, возвратился и остановился с войском под селением Генечутль в 2-х верстах от Тануса. Шамиль тоже, видя бесполезность пребывания в Танусе и большую потерю войска, приказал Хаджи-Мурату сжечь аварские селения и посеы, а жителей переселить в Хиндалал. Хаджи-Мурат исполнил приказание имама, сжег аварские селения и посеы, а жителей переселил в Хиндалал. Шамиль возвратился в конце лета в Дарго, а войска распустил по домам, приказав им быть готовыми к походу после байрама, осенью. В этом походе горцы потеряли убитыми и ранеными около 1000 человек. Потеря у русских убитыми не известна, а в плен взято 700 солдат, которые были розданы наибам. Офицеров взял Шамиль с собою в Дарго. В этом походе отнято у русских десять орудий со всеми снарядами. **ПОХОД ШАМИЛЯ НА ГЕРГЕБИЛЬ** Спустя пять дней после праздника, в начале месяца шаввала 1260 (1843) года, Шамиль с 11000-ым войском выступил к Гергебилю. Приблизившись к селениям Кикун и Гергебиль, он приказал войску занять сады гергебильские. Под стенами укрепления произошло сражение. В этом укреплении с гарнизоном стоял майор Шаганов, которого храбрость завлекла противиться и сражаться с такими силами Шамиля. Ему три раза предлагали сдаться, но он не принял предложения; на выручку его не приходил никто ни из Шуры, ни из Акуши; хотя какой-то генерал поднялся из Шуры на Аймякинские высоты, но не опускался к укреплению Гергебилю и скоро возвратился. Войска Шамиля воодушевились этим, а русские пали духом. Если бы не показывался генерал на возвышенности, то взять Гергебиль стоило [32] бы большого труда. К Шамилю присоединился цудахарский кадий Аслан с небольшой партией. Шаганов и солдаты сражались днем и ночью непрерывно, потеряли всякую надежду. Наибы окружили укрепление и начали осаждать, делая подвижной завал из дров. Укрепление было обессилено, вода отведена. Гергебиль был взят штурмом. Потом войска двинулись на плоскость и остановились в Дженгутае. Хаджи-Мурат сжег ханский дворец Ахмед-хана. Оттуда Шамиль

перешел в Казанище, где остановился в доме Шамхала, распределив войска свои по селениям Шамхальства (в Кафыр-Кумухе, Муслим-ауле, в больших и малых Казанищах в Буглене). Шамхал с семейством и нукерами бежал в Шуру — Шамилю покорились Шамхальство и Даргинский округ и присоединился к нему акушинский кадий Мухаммад. Чтобы увеличить свои силы, Шамиль послал в Чечню послов, призывая всех всадников под начальством храброго Шуаса (чеченского ученого). Чеченцы не замедлили придти. Шамиль советовался с наибами о средстве взять укрепление Темир-Хан-Шура. Созвав все шамхальство и сделал им наставление, Шамиль поставил на место шамхала брата его глухого Мухаммад-Бека. Потом приказал с каждого двора привезти по одной арбе дров и сложить около Муслим-аула. Народ старательно исполнил приказание его. В продолжении 1,5 месяца наибы делали набеги на укрепление Бурное, разграбили его; глухой Мухаммад-Бек с конницею шамхальского и несколькими орудиями разъезжал вокруг Шуры, заводя перестрелку. Через 15 дней после того, как Шамиль приказал свозить дрова около Муслим-аула, из Чечни пришли русские на освобождение Шуры, и на другой день поутру двинулись на нас (в конце осени). Завязалась битва между Муслим-аулом и Казанищами, Шамиль был разбит и бросивши одно орудие, бежал в Эрпели. Потеря горцев подсчитывалась убитыми 150 чел. и около 300 ранеными. Шамиль через Гимры отправился в Дарго, конница через Аймаки разъехалась по домам, а пехота и орудия через Чиркей, Буртунай и Баяи прибыли в Дарго. ПОХОД ГЕНЕРАЛА ЛИДЕРСА К КАРАДАХСКОМУ МОСТУ В 1261 (1844) году Шамиль выступил в Салатавию и Аух против русских войск. Здесь не происходило никакого сражения. Шамиль оставался там 15 дней. Потом из Даргинского округа Акуши пришли лазутчики, чтобы Шамиль явился туда. Он двинулся с 4-мя тысячами конницы и десятью наибами из Гимров, через Харкас и Кутиши в Акушу и остановился в доме Акушинского Мухаммад-Кадия. Вслед за ним прибыли Койсубуюнские наибы: Гимринский Ибрагим, Балаканский Муса и Инхулайский Саид с тремя орудиями и глухой Хаджи Мухаммад Чохский и Согратлинский кадий Мухаммад. Здесь собрались все наибы Дагестана, исключая Кияла, Ункратля, Чамалала, Тиндалала, Богулала и их войск. Через несколько дней русские войска под начальством генерала Лидерса и князя Аргутиногого выступили из укрепления Темир-Хан-Шура. Шамиль услышал об этом, созвав всех наибов и Акушинского кадия Мухаммеда посоветоваться о предстоящих действиях. После многих прений признали за лучшее сделать отступление. Шамиль и наибы возвратились в Бархалис и Хулис. Нас преследовал Аргутинский, разбил - и мы должны были бежать, потеряв много убитыми. Шамиль достигнул Цудахара и остановился в доме кадия Аслана, но оттуда принужден был тотчас же бежать, оставив солдат, три пушки и убитыми более ста человек под ногами русской конницы. Потом бежал с остатками войска к Карадахскому мосту. Переправившись через мост, он приказал сломать его, сделать на берегу завалы и поставил орудия. Лидерс начал с нами перестрелку, а Аргутинский с войском через мост Маали хотел идти в Гоцатль. Шамиль послал, чтобы ауховцы поспешили прибыть к нему на помощь. Через 10 дней на рассвете русские возвратились. Мы преследовали их. Кибит Мухаммад с частью своего войска бросился через Карадахский мост вслед за русскими, но преследование наше было безуспешным, потому что мы потеряли в то время много убитыми, в числе которых было несколько почетных лиц [в этот день был убит аварский ученый Исмаил-Мухаммад]. Народ, видя возвращение русских, говорил, что они возвратились по причине смерти какого-то вельможи. Но я полагал, что у русских не достало сухарей. В этот же день выбежал к Шамилю Елисуйский Даниель-Султан. Он встретился с Шамилем у Карадахского моста, Шамиль приказал ему поселиться в Карате, а сам, распустив войска по домам, возвратился в Дарго-Ведено. ПОХОД КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА В АНДИЮ Главкомандующий князь Воронцов

двинулся с отрядом во внутренность Дагестана. Сам он шел через Чиркей, Аргутинский из Казикумуха в Телетль и один генерал из Шали с силами и средствами, с какими еще никогда не предпринимался ни один поход в Дагестане, говоря: “я раздавлю Шамиля и его скопище и сотру с земли наибов и войска”. Шамиль, получивши сведения, что главнокомандующий остановился в Буртунае с сильным отрядом и большим количеством орудий и направляется прямо в Ведено, приказал Чиркеевскому сотенному Раджебиль Мухаммеду умертвить всех пленных русских офицеров, находящихся во всех селениях Дагестана и Чечни. После того через несколько дней Шамиль со всеми наибями приготовился выступить на встречу главнокомандующему. В четверть месяца Рабиуль-аявала 1264 (1845) г. Шамиль выступил со всем войском Дагестана в селение Алмах, что в Салатавии. Здесь на совет собрались все наибы Чечни и Дагестана. Шамиль сказал: “Знайте, что главнокомандующий идет на нас со всеми силами Кавказа. Цель его должна быть или истребить нас совершенно, или заключить с нами мир. Так знайте, что если кто-нибудь из вас будет просить меня примириться с русскими, того я убью или зашью ему рот (что и подтвердил клятвою)”. Наибы все поклялись, что будут сражаться. Шамиль отправил некоторых из них занять Анчимеэрские высоты, чтобы пресечь путь в Андию и Гумбет. Через несколько дней, получив известие, что русские завладели Анчимеэром, наибы и Шамиль испугались и не знали, что предпринять. Шамиль отправил против русских войска в укрепленный Буцрах, а сам тотчас же возвратился в Дарго-Ведено. По прибытии своем, приказав жителям выселиться немедленно в Чечню или куда они сами пожелают, а сам в полдень того же дня отправился в Андию и велел войску расположиться в Буцрах (укрепленное место). Русские поднялись на Гумбетские высоты и остановились там. Через три дня сделалось холодно и выпал снег, который причинил большой вред войску и лошадям русских. Отряд русских оставался там около десяти дней. Шамиль выехал из Андии осмотреть войско и укрепление Буцрах, и, счев его неважным, приказал войску разместиться по деревням Андии. Войска возвратились в Андию и Шамиль остановился в доме андийского наиба Рамазана в с. Анди. После того через 5 дней авангард русской конницы устремился на Буцрах (из Буцраха видны все села Андии). Шамиль приказал сжечь все селения Андии. Села были зажжены и через полчаса русская конница напала на нас. Войска Шамиля без всякой перестрелки разбежались. Главнокомандующий остановился над селением Анди. Русское войско гордилось своими успехами. Шамиль и наибы были в страхе, не зная что делать. Через 2 дня из Чечни от наибов и ученых Шамиль получил письма, в которых его просили вернуться в Дарго: “Мы и наши жены клянемся умереть за тебя и будем служить тебе не так как дагестанцы, которые бежали, нисколько не сражаясь”. Шамиль успокоился и возвратился с мюридами и чеченцами в Дарго-Ведено, оставив наибов в Андии стеречь дороги во все стороны. Русские последовали за ним в Дарго, и после незначительной перестрелки завладели ими. Остановившись там лагерем, главнокомандующий дал отдых войскам на 15 дней. Шамиль с чеченцами скрылся в лесах. Русские еще более прежнего радовались. Через несколько дней ночью пришел от русских лазутчик ауховец и дал знать Шамилю, что провизия русских будет через два дня идти через Буртунай в Андию, в Дарго, если ты постарайся отбить её, то русские от голода ослабеют, а ты через то выиграешь победу. Шамиль созвал всех наибов и передал им то, что рассказал ауховец. Сделав наставление, Шамиль приказал своим устроить засаду в лесу. На другой день показался на Андийских возвышенностях транспорт с провиантом под достаточным прикрытием. Когда русские узнали, что дорога пересечена, то дали из орудий знать, чтобы им шли на помощь. Из главного лагеря двинулось тотчас же много войск. Произошло большое сражение, подобно которому никогда не было в Дагестане. Русские были разбиты и принуждены бежать, потеряв

много убитыми. Шамиль завладел большей частью провианта, двумя орудиями, большим количеством оружия и другими вещами. Войско и начальники русские испугались. Доставка провианта и путь отступления были невозможны. Солдаты от голода пришли в изнеможение и страх. Через 3 дня явился тот же ауховец Махмуд и известил Шамиля, что главнокомандующий намерен отступить через Чечню. Шамиль приказал чеченским наибам занять дороги, велел всем наибам Дагестана придти на помощь. Русские, сжегши палатки (около 700 шт.), выступили из Даргов. Шамиль преследовал их в продолжении 3-х дней. Русские понесли большой урон — лошади, вьюки, оружие были отняты. Бедняк, который прежде не имел осла, приобрел несколько лошадей и оделся в суконную чуху, тот, кто прежде и палку в руках не держал, добыл хорошее оружие. Наибы и народ, в особенности чеченцы, которых даже жены нападали на солдат и обирали их, торжествовали, видя неожиданные свои успехи, как будто бы русских больше не осталось, кроме тех, которые убиты. Русский отряд из Шали возвратился не имевши никакого дела. Князь Аргутинский получил известие, что главнокомандующий разбит и возвратился с большой потерей, отступил с пехотой из Телетля на Турчи-Даг, а конница возвратилась в Кази-Кумух. Аргут шел в Телетль через сел. Магар, вошел в Карах: ему покорился весь Каралал, Тленсир, Гидатль, Андалал. Даниель с семейством и нукерами принужден был бежать на Гуниб. Кибит Мухаммад был осажден им в Телетле и, как лисица, искал норы спрятаться. В этом походе Шамиль нанес много вреда. Многие главные наибы были убиты: гумбетовский Гитингу, чеченские Шугайб и Эльдар, делимский Хаджи-Бек, андийский Мамад и многие другие ученые и почетные из Чечни и Дагестана.

ПОХОД ШАМИЛЯ ПРОТИВ СЕЛЕНИЯ КУТИШИ По просьбе мугаджиров Джаробелоканского округа, Нухи и Ахтов, Шамиль направился в Елисуйский округ, выступил во вторник, месяца шаввала 1263 (1846) г. с 12 тысячами конницы и пехоты и остановился в сел. Хачада (что в Каралал) в доме Даниель-Султана. Здесь произошел совет, в котором мать Даниеля Туту-Бике не восприняла слов Шамиля и просила его возвратиться на этот раз с войском, говоря: “Теперь приближается зима, если выпадет снег, то сообщения пресекнутся и может погибнуть много мусульман”. Шамиль согласился с ее мнением, переменял прежнее направление и обратился к сел. Цудахар. Войска Шамиля двинулись к Чоху, откуда он приказал Даниель-Султану идти в Кази-Кумух, а сам направился на Цудахар. После сражения Шамиль силою вошел в Цудахар и завладел всеми стадами и именьями цудахарцев. Кибит-Мухаммад без всякого сопротивления вошел в Хаджал-Махи, куда прибыл и Шамиль с войском и оставался там три дня. Даргинцы прислали послов с письмами, прося его придти. Шамиль послал с частью войска Кибит-Мухаммада в Кутиши, куда выступил сам через несколько часов. Когда я заметил беспорядок в войске, то сказал Шамилю, что боюсь, как бы нам не понести большого урона в этом походе и не осрамиться бы. И что лучше бы он не выступал отсюда, а оставался бы в этом селении (Хаджал-Махи). Шамиль отвечал: “Что предопределено, то не изменится”. Перед вечером Шамиль с войском достиг Халатаб-Кули. И когда мы располагали остаться, отряд русских прибыл и остановился на майдане Дирхуб. Шамиль поспешил в Кутиши, прибыл туда в полночь, а утром русские напали на нас. Войско Шамиля было разбито и обращено в бегство, подобно которому не было ни прежде ни после. Мы понесли большие потери. Оставили одну пушку со снарядами, платье Шамиля, его секиру и все пожитки, войско возвратилось в с. Салты. Причиной этой неудачи было дурное распоряжение Кибит-Мухаммада, его трусость, несмотря на то, что под его начальством было 6 тыс. человек. Потом из Салтов войско было распущено по домам и Шамиль отправился в Дарго-Ведено, потеряв убитыми 140, ранеными 200 человек, не считая пленных.

ПРИЧИНА ОСЛАБЛЕНИЯ МОГУЩЕСТВА ШАМИЛЯ В конце 1264 (1847) г., в начале весны Шамиль

приказал собраться всем наибам, ученым и другим почетным людям и сотенным начальникам Дагестана и Чечни в с. Балгит, что в Ичкерии. Они признали сына Шамиля (сына звали Кази-Мухаммад) и присягнули ему в верности. В то время народ говорил, что Шамиль передает сыну своему имамство как родовое наследство и что он заботится только о себе, чтобы возвышаться, но нисколько не думает о боге и подозревал его, что он жаждет богатства. Через это и произошли между учеными и некоторыми наибам с Шамилем разъединенность и несогласие. Некоторые наибы и другие, искавшие власти, старались дать делам Шамиля другое направление. Все наибы начали копить богатства и убивать напрасно мусульман, не различая между дозволенным и запрещенным, между истиной и ложью. Они наружно только как бы исполняли приказания Шамиля, а в сущности старались обманывать и ниспровергнуть его. Шамиль их считал за апостолов (помощников), но того не знал, что они изменники. В народе распространились притеснения, козни и сплетни, между тем, как Шамиль об этом ничего не знал, но как только замечал за наибам несправедливость какую-нибудь, то тотчас же сменял их с должности. Они оклеветали перед Шамилем некоторых ученых наибов и других влиятельных лиц, истинно преданных ему, что будто бы они добиваются имамства. Шамиль верил им, удалял приближенных и сменял наибов. Однако впоследствии узнал он коварство, низкие поступки, зависть многих имамов доброжелателей и противозаконные действия сыновей своих. Но это была такая болезнь, которую излечить или уничтожить не было ни средств, ни лекарств, оставалось покоряться только воле божьей и его предопределению. С этих пор шариат наш обратился в низам (потому что толковали его каждый по своему). Дела приняли другое направление, потому что поступки наибов были соединены с несправедливостью. Но все старания Шамиля исправить дела были тщетны. Он остался один без помощников и часто повторял слова одного арабского поэта: “Я вижу 1000 человек строящих здание, которое может разрушить один человек! То что же сможет построить 1 человек, когда сзади по тысячу разрушителей?”. Итак, с этого времени дела и предприятия Шамиля были безуспешны. Во всех походах и сражениях наибы поступали по своему желанию, вопреки его приказаниям. Я опишу также поступки его сыновей.

ПОХОД ШАМИЛЯ В КАБАРДУ К ЧЕРКЕСАМ Через два месяца по возвращении Шамиля из Кутиша в Дарго-Ведено, пришли к нему с письмами из Кабарды около 10-ти человек, прося, чтобы Шамиль пришел туда с войском. В четверг (обычай Шамиля был постоянно выступать с войском или во вторник, или в четверг) 14-го зуль-хиджа 1263 (1846) года Шамиль выступил с 4-мя тысячами конницы и 5-ю тысячами пехоты и 7 орудиями и, переправившись через Терек, разместил войска по кабардинским селениям. Запасы истощились и войска в продолжении 3-х дней не получали ничего, кроме одного проса. Русские со всех укреплений устремились на нас, чтобы окружить. Шамиль с войском ночью тайно начал отступать и к утру достигнул Терека. Наибы, видя, что русские заняли переправу через Терек, испугались и разбежались с войском. При Шамиле, кроме мюридов никого не осталось. В это время Хаджи-Мурат подошел к нему и сказал: “Что это делают наибы?” Шамиль ответил: “Они ослушались и изменили мне”. Хаджи-Мурат сказал: “Посмотри на мое войско”. И устремился с конницей своей на русских. Русские бежали, переправа была очищена. Шамиль переправился через реку и таким образом спасся. Мы ничего не видели в этом походе, кроме голода, жажды и страха. Если бы не было тогда Хаджи-Мурата, то погибла бы половина войска. Посмотрите теперь на наибов и Хаджи-Мурата! В этом походе Шамиль потерял 105 чел.

ПОХОД КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА К САЛТАМ В 1264 (1847) году 11-го шабана главнокомандующий князь Воронцов устремился на укрепление Гергебиль и после небольшой перестрелки, ввиду невозможности взять укрепление, возвратился в Турчи-Даг, где оставался два месяца. Потом он с отрядом спустился к сел.

Кудали и Салты. Посредством траншей русские взорвали половину Салтов и башню в укрепление и погубили много народу. Мусульмане ослабели. Шамиль стоял то на горе Ифута, то на горе Мурада. Все войска Шамиля, даже ученые и старики были расположены на берегу Кара-Койсу. Шамиль по очереди посылал наибов в Салты. Русские, окружив деревню, прекратили сообщение войска Шамиля с гарнизоном. В Салтах обнаружился между горцами голод и смертность. Омар Салтинский с другими находящимися в Салтах наибями (Муртаза-Али Телетлинским, Мухаммад-Кади Согратлинским, Чохским Хаджи-Муса, Бутлихийским Хаджиу, Нурмухаммадом Карахским и Идрисом, который был убит при выходе из Салтов), ночью оставил укрепление и с большой потерей едва пробился сквозь ряды русских. Шамиль с войском возвратился в Дарго-Ведено, потеряв убитыми, ранеными и пленными 1700 чел. Идрис, наиб Гергебиля, был убит. Лазутчики дали знать, что русские потеряли 700 человек.

ПОХОД ШАМИЛЯ В АХТЫ По просьбе ахтынцев и их мугаджиров, Шамиль предписал наибам собрать войско и явиться в Заиб (место около Голотля), откуда он выступил в Ахты с 9-ю тысячами (в четверг, 1265 (1848) г. 4 шаввала и остановившись в Телетле, послал к Даниель-Султану в Карах, где он был наибом, чтобы он шел с войском в Ахты. Шамиль выступил с войском из Телетля к горе Дурты, приказав Даниелю идти в Рутул, остановился в с. Хозреке, куда явился Шамиль и послал послов и письма в Ахты. Из Ахтов пришел Мухаммад Наби-Эфенди Ахтынский и сказал Шамилю: “Пойдем, имам. Мы все покорны тебе. И желаем, чтобы ты приехал”. Шамиль отправил поутру туда с войском Даниель-Султана и после обеда приехал сам туда, созвал и ахтынцев, прочитал им наставления и сказал: “Вы народ храбрый, сколько раз вы проливали кровь русских и снимали с них одежду, и до сих пор в такой войне вы были без помощника. Знайте же, что я и весь Дагестан ваши помощники. Необходимо вытащить эту змею (русских) из сердца вашего и удалить врага нашего и среди вас”. Ахтынцам понравились его наставления и обворожительные слова. Они ответили: “Мы клянемся умереть перед тобой и сражаться с врагами”. Шамиль окружил Ахтынские укрепления, начал осаду, взорвал порохом башню. Пороховой магазин был взорван метким выстрелом. Шамиль осаждал таким образом укрепление в продолжении 15-ти дней. Однако наибы опасались, что Шамиль останется здесь зимовать и даже сделали между собою совет, говоря, что если будет взято укрепление, то Шамиль не возвратится в эту зиму и потому нам нет нужды стараться помогать ему. И таким образом изменили ему. Потом пришел Аргутинский через горы в тыл Шамилю, но не мог сражаться и отступил. Горцы преследовали его до вечера. Через 10 дней Аргутинский вторично явился с большой силой со стороны Хозров. Войско Шамиля под начальством Даниель-Султана и Хаджи-Мурата выступило против него. Около Хозров произошло сражение. Горцы бежали, оставивши много тел за завалами. Многие были убиты и взяты в плен (из Тленсира и Каралала). Шамиль возвратился из Ахтов в Дарго-Ведено. Потеря мусульман простиралась до 300 чел. убитыми, ранеными и пленными.

ПОХОД КНЯЗЯ АРГУТИНСКОГО К ЧОХУ И РАЗРУШЕНИЕ ЕГО В 1266 (1849) г. 21 раджаба, князь Аргутинский остановился с отрядом на возвышенностях Турчи-Дага. Разработав дороги и спуски, Аргутинский двинулся к Чоху. Шамиль, услышав об этом, собрал 12500 человек и в четверг 27 раджаба выступил и остановился у Чоха, на площади Худуб. После совещания он приказал наибам приблизиться к Чоху и занять все возвышенности, удобные для сражения. В продолжении семи дней они прокопали рвы и устроили завалы. Русские пришли и остановились лагерем у Чоха, тоже сделали рвы и насыпи, установили орудия и заняли все опасные места. Потом началось бомбардирование Чоха. Стены, построенные искусным египетским инженером, были разбиты, две башни разрушены. Не осталось камня на камне, будто бы Чох не существовал. Шамиль приказал наскоро делать завалы из бревен и корзин,

насыпанных земель. Крепость была похожа на то, будто бы она была взята и потом разрушена. Однако русские не заняли крепости, неизвестно почему и через 10 дней Аргутинский возвратился с отрядом на Турчи-Даг, а Шамиль в Дарго-Ведено, потеряв в этом походе 260 человек убитыми и 340 ранеными. Во время осады Чоха Шамиль перед алкораном поклялся, говоря наибам: “Если Аргутинский возьмет Чох, то я с вас сниму чалмы”. Поэтому наибы действовали усердно.

ПОХОД ШАМИЛЯ НА СЕЛЕНИЕ ГАМАШИ Когда Аргутинский возвратился из Чоха, Шамиль и наибы обрадовались, думая, что русские обессилены и на земле не осталось ни одного солдата и человека, который мог бы противиться им. Но лазутчики постоянно приходили к Шамилю из Казикумуха и просили его, чтобы он пришел с войском туда. Посему Шамиль 22 зуль-каада 1266 (1849) г. выступил с войском из Дарго и остановился в Хунзахе, в доме наиба Хаджи-Мурата. Он ночью секретно двинулся и к утру достиг с. Гамаши. После сражения войско Шамиля вошло в селение и не оставляло ни одного жителя: или убивали или пленили. В то же время со стороны Кумуха показалась рота солдат и казикумухская конница под начальством переводчика Аргутинского Абду-Рахмана (он был потом убит Хаджи-Муратом под Гамашами). Русские построились у селения. Войско Шамиля, занятое грабежом, услышав о прибытии русских и не зная числа их, бросилось бежать в беспорядке. Шамиль, покинутый наибами, с мюридами должен был оставить Гамаши. Рота и конница с ожесточением преследовала бежавших. Потом Шамиль приказал наибам обратиться и сразу броситься на русских, солдаты и казикумухцы, отступив немного, остановились и встретили их ружейными выстрелами. Из роты был захвачен в плен только один солдат. После перестрелки Шамиль вернулся в с. Бара. Здесь на совете наибы решили возвратиться домой. Шамиль приказал мне написать Даниель-Султану, отправившемуся с отрядом в Кули и Хосрек возвратиться. Я сказал наибам (их было 12 в этом походе): “Неужели вы не стыдитесь ваших жен, чтобы возвратиться, проиграв такое сражение. Ей-богу, если мы так возвратимся, то и вдовы не будут бояться тебя, Шамиль и вас, наибы!” Но Шамиль и наибы возвратились, не дождавшись пока кончатся чуреки, положенные женами в сумки на поход. Посмотрите на 12 наибов и роту солдат! Они изменили Шамилю. Шамиль сменил с наибства согратлинского Абдуллу и Мусу-Гаджи Чохского, за их бегство из Гамаши.

ВТОРОЙ ПОХОД ШАМИЛЯ НА ГАМАШИ Казикумухские беки убедительно просили Шамиля придти с войском (князь Аргутинский — командующий войсками отправился в то время с отрядом в Курах, а в Казикумухе оставалось немного русских). В четверг 11 зуль-каада, 1267 (1850) г. Шамиль выступил с 12 тысячным войском и остановился в Рутудже. На совете здесь решили послать благонадежного наиба с войском в Табасаран, потому что табасаранцы несколько раз просили прихода Шамиля. Шамиль отправил наиба Омара Салтинского с 1500 чел., а сам с войском остановился в Чохе. Гочатлинский Саид бежал к русским (он поступил в Дагестанский конно-иррегулярный полк и потом обратно бежал в горы, укравши 500 руб. серебром, половину из них отдал Шамилю, за это он был прощен), и передал им, что горцы идут в Табасаран и дошли уже до Чираха. Русские из Казикумуха с конницей вышли на встречу Омару и на Чирахских возвышенностях произошло сражение. Омар с 1500 чел. бежал от горстки русских, потеряв много убитыми и пленными. Шамиль сменил Омара с наибства (по прибытии Омара с разбитым войском, один мюрид сказал: “Имам! Омар в день сражения не совершил утренней молитвы”. Омар ответил: “Как я мог молиться, когда это был страшный суд”. Шамиль сказал: “Ты лентяй и трус, бежал от роты с 1500 чел.”, — и сменил его. Хаджи-Мурат сказал Шамилю: “Он только на словах храбр, а на деле нет”. Потом Шамиль послал Хаджи-Мурата с 500 численной конницей в Шамхальство. Хаджи-Мурат пробрался в Буйнак, убил брата шамхала Шахвали, взял в плен его семейство и все сокровища и отправился в Табасаран. А Шамиль из

Чоха с 7000 человек при двух орудиях поднялся на Турчидаг и послал войско в с. Гамаши. Батальон под начальством Ракусы встретил их. Горцы и наибы бежали и Шамиль не мог удержать их. В этом походе было до 266 убитыми, ранеными и пленными, убит гидатлинский наиб Мухаммад, Хаджи-Мурат был вытеснен из Табасарана Аргутинским. **ПРИБЫТИЕ К ШАМИЛЮ НЕСКОЛЬКИХ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ** В 1268 (1851) г. около 20 солдат с женами и детьми и двумя священниками пришли в Дарго-Ведено и просили у Шамиля земли поселиться. Он указал им место, где они построили дома и церковь. Через несколько времени в совете Шамиля зашла о них речь. Одни наибы говорили, что им дозволяется укрываться здесь, а другие отрицали. Шамиль сказал: “Я не желаю, чтобы они здесь жили, их нужно отослать к их церкви” (в Гидатле есть церковь, построенная грузинами в 880 (1363) г. гиджры, длина 9 аршин, ширина 5, в высоту имеет 13 аршин и 1 аршин с четвертью в толщину). Шамиль отправил в Батлук, предписавши местному наибу поселить их там, отвести землю для посева и охранять их. Когда они увидели, что наиб не исполняет относительно их приказаний, разбежались; осталось их около 6 чел., которых окрестные жители в одну ночь умертвили. Я, услышав об их убийстве, сказал Шамилю: “Если мы оставим без внимания это дело и не накажем виновных, то тебе от народа будет стыдно и бог прогневается”. Шамиль рассердился и приказал отыскать виновников и взыскать с них. Наибы исполнили его приказания, а только это послужило поводом из корыстолюбия ограбить некоторых бедняков. Наиб изменил, а народ упрекал Шамиля. **ПРИБЫТИЕ К ШАМИЛЮ ДЕРВИША ХАДЖИ-ХАЙРУЛЛАГА ИЗ ГЕРАТА** В 1269 (1852) г. пришел из Герата, что в Афганистане, дервиш по имени Хаджи-Хайрулла, чтобы только посмотреть на Шамиля и служить ему. Он был очень набожен. Брат мой Даудилав принял его к себе. Когда же Шамиль удалил по подозрению моего брата, то дервиш этот жил долгое время в мечети, питаясь подаяниями и без всякого присмотра. Когда Шамилю рассказали про его печальное положение, то он приказал своему казначею Хаджияу смотреть за ним. Казначей взял его к себе в дом, где он находился несколько лет, как пленник, с пожелтевшим лицом и истощенным телом. Когда мы заметили его жалкое положение, мы сказали Шамилю: “Казначей твой не смотрит за ним и не дает ему пищи. Прикажи ему обратить на него внимание, потому что он твой гость, пришедший издалека только ради имени твоего. Так сжался над ним. Он не просит у тебя денег, а если мы будем оставлять таких бедняков, то и бог оставит нас”. Шамиль призвал Хаджияу и строго приказал ему лучше смотреть за ним и кормить его. Но Хаджияу не исполнял приказаний Шамиля. Жена Шамиля Загидат узнала о несчастном положении дервиша, посылала ему с нукером хлеб и другую пищу, одежду и была ему как мать. Взгляните на положение этого бедняка, на причину его прихода и на дальний путь и на ослушание казначея Хаджияу. Дервиш часто повторял: “Государство Шамиля, его сокровища и сам он не останутся в таком положении по причине этого глупого изменника Хаджияу”. Слова дервиша оправдались. Клянусь богом, что никто более не был так привержен к Шамилю и не разделял с ним трудностей, как этот бедняк, во всех местах, особенно в Гунибе. Шамиль не обращал внимания на слова народа, но все поручал сыновьям своим и казначею, думая, что они исполняют его поручения и не знал, что они ему изменяют, казначей изменил ему, а под конец отдал казну, сокровища и книги Шамиля врагу его Кибит-Мухаммаду, который домогался имамства. **ПОХОД ШАМИЛЯ В ЗАКАТАЛЫ** В четверг 15 зуль-каада 1269 (1852) г. Шамиль выступил с 13 000 человек и несколькими орудиями, чтобы соединиться с войском султана Абдул-Меджида. До того времени из Карса от Керим-Паши и Селим-Паши приходили послы и письма, чтобы Шамиль с войском пробрался к ним. Шамиль остановился перед возвышенностями перед Закаталами и послал сына своего Казии-Мухаммада и Даниель-Султана с отрядом против Закатал. Навстречу

им выехали казаки, которые в перестрелке, потеряв около 40 чел., вернулись в укрепление, а горцы вошли в с. Закаталы, жители которого безо всякого сопротивления впустили их. Шамиль остановился на высотах, откуда он послал египетского инженера Юсуфа-Гаджи к сыну для укрепления селения и постройки завала. Горцы построили между селениями и укреплением большой завал. Войска в таком положении оставались несколько дней. Потом Шамиль послал Даниель-Султана со своей конницей на Алазань завладеть переправой (паромом). К вечеру Даниель-Султан с конницей двинулся мимо укрепления к Алазани. Начальник русских Орбелиани, находящийся в укреплении, узнав намерение горцев, пресек им путь. Произошло сражение. Даниель-Султана конница разделилась на 2 части: часть бежала в с. Талы, а другая — к Катеху. Даниель-Султан провел ночь в Талахе в лесу, а Рамазан с частью своей ночевал в Катехе. На другой день они соединились и направились к Белоканам, где и остановились. Генерал с войском из Закатал вышел на них и разбил их. Даниель-Султан бежал к Алазани, оттуда он направился к Гуллюку, Зарна, Лакиту, Амирджанло (что в Елисуйском округе) и был там около 3-х дней. У войска, которое оставалось при Шамиле, истощился провиант, пошли сильные дожди, а Даниель-Султан не возвращался. Шамиль на него разозлился и с войском и Кази-Мухаммадом спустился в Катах и там провел ночь. На другой день Шамиль поднялся к вновь строящемуся укреплению Меседиль-Хер (Золотой пруд) и, расположившись вокруг него, приготовился осаждать. Через два дня Даниель-Султан возвратился и, сошедши с лошади у палатки Шамиля, поздоровался с ним, взявши его за руку и потом пошел в свою палатку. Тогда Шамиль сказал мне: “Если бы Даниель был наибом в этом походе, то я своеручно умертвил бы его, потому что он оставил сына моего неопытного с пехотой перед врагами, бросая его в пасть льва, а сам отправился с конницей путешествовать по своим знакомым”. Шамиль был недоволен Даниелем, но народ этого не знал (в этом походе я был при Шамиле казначеем). Шамиль осадил укрепление и пресек воду. Солдаты ослабели, мы постоянно дрались с ними у крепости. Вдруг показался авангард князя Аргутинского на Закатальских возвышенностях, на той дороге, по которой пришел Шамиль. Наибы испугались и собрались у палатки Шамиля, где произошел крупный спор. К вечеру из укрепления русских прибежал солдат и сообщил, что русские от голода и жажды умирают в укреплении, и если простоите еще ночь, то вам достанется укрепление и все имущество, которое в нем. Но наибы, боясь Аргута, просили Шамиля отступить и ночью с шумом (от усиленного отступления) вернулись домой. Это тоже измена и трусость наибов. Здесь было 25 наибов. Из них был убит наиб Чарби-Ак-Булат. Много раненых, 30 убитых и 14 пленных.

ПОХОД ШАМИЛЯ В КАХЕТИЮ И ШИЛЬДЫ Шамиль давно собирался предпринять поход в Грузию, склоняясь на просьбы жителей Цунтала и Тиндала, отцы которых прежде были во вражде с грузинами. Однако же он не мог предпринять поход, потому что русские отвлекли его. В 1270 (1853) г. Омар-Паша, достигнув Кутаиса, прислал к Шамилю письмо, чтобы он со всеми силами пришел соединиться с ним. Шамиль выступил с 1500 чел. и тремя орудиями из Даргов и остановился в Зунуб-Каритля, что около Караты. Здесь собрались все наибы Дагестана и Чечни. Шамиль никому не объявлял цель похода. Через 3 дня войска двинулись к селению Хуштада, а потом в сел. Тинда, потом в Цунта. Шамиль с войском прибыл к башне, что на горе по дороге в Грузию (занимаемой грузинами-милиционерами). С этой возвышенности Шамиль послал сына своего Кази-Мухаммада с 7-ю тысячами на плоскость Грузии, а Даниель-Султана с 5-ю тысячами послал в Шильды. Сам же с остальным войском расположился у башни. При восходе солнца Даниель с пехотой вошел в Шильды. Здесь произошло сражение, в котором был убит наиб Цунтала Тиндинский Хаджи-Мухаммад и другие, около 40 человек и 60 ранено. Кази-Мухаммад направился к Алазани с конницею, ограбил некоторые селения на

возвышенностях перед Шильдами, где и провели ночь. На другой день они от Шамиля получили предписание переправиться с конницей через Алазань. Кази-Мухаммад собрал всех наибов, сделал всем наставления. Оставив конных и пеших в тесном месте на дороге в Шильду, с остальным войском переправился через Алазань. Цунтальцы были впереди и с ними армянин Муса, который знал дом князя Чавчавадзе. По указанию Мусы войско двинулось в Цининдалы, где ограбив дом князя Чавчавадзе, взяв в плен княгинь, других женщин, детей, с радостью возвратились. На обратном пути, увидев, что русские заняли переправу через Алазань, они отступили и переправились в другом месте. Потом они увидели, что место, где была оставлена пехота, занято русскими, и когда они стали приближаться, то русские встретили их залпами из орудий. Горцы бежали по дороге к Кварели и провели ночь в лесу между Шильдою и Кварели. На другой день русские оставили дорогу и возвратились в укрепление Кварели, а горцы, достигнув Шильды, провели там ночь. Много мусульман было убито. При отступлении горцы растеряли много тел убитых, раненых, много скота и других вещей. В это время мы слышали, что генерал, находящийся в Закаталах, двинул на них с двух сторон войска и с гор, и с равнины. Если бы не получили этого сведения, то горцы напали бы на другой день на Телав. Наибы напугались русских и поднялись в горы к Шамилю. В это время Шамиль взял те две башни, у которых находился грузинский князь, который там был начальником и сдался военнопленным с 35-ю человеками. Шамиль приказал вывести из башни всех грузин и успокоил там пленных княгинь и детей. В числе пленных была старая француженка. Грузинский князь просил меня, чтобы я попросил Шамиля позволения угостить их чаем и тем, что было у него. Ему было дозволено. Шамиль хотел оставаться там более 2-х месяцев, но услышав, что закатальский генерал идет на них, по просьбе наибов возвратился в Дарго, написав письмо Омар-Паше следующего содержания: “Я выходил к вам навстречу с сильным войском, но невозможно было наше соединение по причине сражения, бывшего между нами и грузинским князем. Мы отбили у них стада, имение, жен и детей, покорили их крепости с большою добычею и торжеством возвратились домой, так радуйтесь и вы!” На возвратном пути Шамиль позволил грузинскому князю провожать пленных княгинь; по приезде же в Дарго, Шамиль посадил его в темницу, а пленных поместил в своем дворце, где и содержал их как им было угодно. Получив письмо от Шамиля, генерал Вильямс из Карса отвечал так: “Что это за разбой между вами? Разве вам не следует стараться наставить народ на истинный путь благоразумными советами? Если ты так поступал и прежде, то нет сомнения, что под конец дело твое испортится и впоследствии ты получишь убыток. Так подумай о последствиях и не покушайся на такие низкие поступки, как брать в плен женщин, малых детей, слабых старух. Ты будешь после раскаиваться и заслужишь презрения всех королей!” Шамиль в ответ написал приличное письмо и отправил с тем же послом Ахмадом-Али Самухийским, который доставил письмо от Вильямса. Шамиль потерял в этом походе около 40 человек убитыми и 60 человек ранеными. Когда Шамиль достиг с пленницами Бежта, то получил известие, что князь Орбелиани сделал набег на Буртунай и отбил стада, почему и поспешил возвратиться в Ведено.

ПОХОД ШАМИЛЯ В ЧЕЧНЮ ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ НА ГРУЗИЮ По возвращении Шамиля из Грузии с большой добычей, наибы торжествовали и просили Шамиля сделать еще несколько подобных набегов. Шамиль не хотел увлекаться этим и говорил: “Это радость после которой придется печалиться”. Наибы думали, что весь свет находится в их власти и не довольствуясь тою большою добычею и славою, упростили Шамиля, чтобы он собрал войско наибов Дагестана идти в Чечню. В четверг 1270 (1853) г. с 6-ю тысячами конницы и 7-ю тысячами пеших и несколькими орудиями Шамиль выступил и остановился в Харачи. Чеченские лазутчики, думая, что Шамиль хочет сделать

набег на Казикумух, пришли туда и дали знать. На другой день Шамиль с войском двинулся на плоскость в Чечню и остановился в Шали в полдень. Сначала цель Шамиля была завладеть селением Девлят-Гирей, потому что жители его часто просили придти с войском. Однако направление изменилось, потому что русские об этом узнав, заняли все дороги. Шамиль с пехотою устремился на Мечик. Здесь произошло сражение. Шамиль завладел половиною селения. Потом для отвлечения русских послал конницу к укреплению Ойсунгур. Но из Ойсунгура выехала по тревоге русская конница. Конные горцы бежали, а за ними пехота должна была отступить в беспорядке. Много горцев легло под ногами солдат, они бежали по терновнику, все поободрались и исцарапались. Шамиль раскаивался в своем походе, когда увидел такую трусость и измену наивов. Он остановился в селе Майор-Туп, где провел 3 дня. Шамиль сменил тогда с наивства начальника конницы Шагмандари-Хаджияу Чиркеевского. и хотел убить его за трусость. Из Майор-Тула Шамиль послал сына своего Кази-Мухаммада с частью конницы в Гехи, чтобы отбить скот из укрепления Чахкар. Но он возвратился без успеха. Потом Шамиль возвратился в Дарго-Ведено, потеряв убитыми 60 человек и ранеными 108, раскаиваясь и печалься.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА ШАМИЛЯ ДЖЕМАЛЭДДИНА ИЗ РОССИИ В конце раджаба 1271 (1854) г. возвратился из России сын Шамиля Джемалэддин. Все были обрадованы его приездом. По прибытии своем он обратил внимание на состояние и положение Шамиля и народа, осмотрел войска, артиллерию, устройство и порядок и остался недовольным и все это счел за ничто. (Джемалэддин был умен и щедр). Потом рассказал отцу про русского царя, его войско и казну и просил его, чтобы он примирился с ним. Шамиль не принял его слов и даже рассердился, и после того отец и братья чуждались его. Джемалэддин сделался печальным и раскаивался в своем возвращении. Он был очень умен и сведущ, но нерасположение отца и брата не позволили ему навлечь из них какую-нибудь пользу для народа. После того он сильно простудился и получил кашель и грудную болезнь, от которой и умер в 1274 (1857) г. в Карате, где и погребен. Народ говорил, что русские отравили его.

ПОХОД КНЯЗЯ ОРБЕЛИАНИ В СТАРЫЙ БУРТУНАЙ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ КРЕПОСТИ В четверг 15 зуль-каада 1275 (1857) г. Шамиль с войском всего Дагестана и Чечни выступил из Дарго и остановившись в селе Новый Буртунай, начал укреплять его, приказав наивам окопать его рвом. Укрепив Буртунай и оставив там войско и наивов, Шамиль расположился около селения Чорто. Он неоднократно посылал партии раз в Аух, другой раз к Чиркею. Здесь в лесу произошло сражение, горцы были разбиты и бежали, потеряв убитыми много мусульман. Наиб Технуцала Исмаил Ботлихский остался под ногами солдат с отрезанной головой. Мустафа-Ахмед Кудалинский был тоже убит. Солдатам досталось много оружия и платья мусульман. Партия эта возвратилась без всякого успеха. Потом русские занимались постройкою башен, рубкою леса и разработкою дорог. В это время произошло несколько схваток, в которых попеременно одерживали верх то русские, то мусульмане. Мусульмане понесли много потерь убитыми и пленными. Джемалэддин желал устроить мир между отцом и русскими и хотел упросить его послать к русским уполномоченного для заключения мира с Салаватом Эндреевским, который приходил к Шамилю от князя Орбелиани, но отец не только не согласился с желанием Джемалэддина, но даже не позволил поговорить с послом русских, это очень сокрушило Джемалэддина. Шамиль таким образом простоял целых два месяца. Потом с тремя сыновьями возвратился в Дарго, оставив половину войска для охранения Буртунае. Через несколько дней после отъезда Шамиля, на рассвете полковник Ракусса завладел Буртунаем. Войска и наивы, находившиеся в Буртунае, разбежались, нисколько не сражаясь. В Новом Буртунае был оставлен гарнизон солдат. После того войско Шамиля возвратилось домой. Зимой пришли русские в Кишен-Аух для постройки укрепления. Шамиль

со всем войском выступил и остановился в селении Билар-Кирган и приказал построить завал между селениями Новый Буртунай и Джаншко и оставил там для защиты несколько наибо. Храбрый князь Орбелиани пришел туда с войском, произошло сражение. Наибы Шамиля были разбиты и бежали с большой потерей. Наиб Шамхал с отрезанной головой пал на месте сражения. Здесь было убито около 200 чел., многие были подавлены, падая один на другого при отступлении. После этого Шамиль во всех делах не имел успеха и раскисал во всем. Народ говорил, что этот год принадлежит князю Орбелиани, а потому нет пользы сражаться с ним (с того времени я был инженером у него). Потеря в Кишин-Аухе и Буртунае: около 300 убитыми и 450 ранеными. Убито 3: храбрый Гитинау — наиб Гидатля, Шамхал — наиб Тиндала и Богулала и Исмаил — наиб Технуцала. Ни в каком другом походе не было убито столько наибо. С постройкой крепости Буртуная дела Шамиля начали клониться к упадку. Русские никогда не могли бы прийти в Ведено, если бы не построили укрепления в Буртунае. Постройку Буртуная относительно Шамиля можно сравнить с тем, когда волк схватит овцу за шею и уже ей нет никакого спасения. В таком положении были дела Шамиля после постройки Буртуная. СОВЕЩАНИЯ В ЧЕЧНЕ Осенью 1275 (1858) г. 16 джуладуль-авала Шамиль предписал всем наibaм с войском явиться на общественное собрание в Шали, приказав также собраться туда всем ученым и наibaм и другим почетным лицам Чечни. Все собрались и остановились на площади около укрепления Шали (в это время Евдокимов готовился идти на Ведено). Здесь произошли большие совещания и рассуждения относительно русских. Шамиль оказал: “Не пугайтесь русских. Я из Ахульго вышел с 7 человеками, а теперь я вот каким сделался с помощью вас. Не думайте, что я вас оставлю без всякой помощи и уеду в горы, нет, я умру здесь на земле вашей. Вы такие смелые и храбрые. Будьте покойны и ничего не бойтесь”. Шамиль, сын его и наибы поклялись в этом. Потом Шамиль приказал поклясться всем наibaм, ученым и сотенным, начальникам в том, что они будут сражаться с русскими. Они поклялись и заставили поклясться всех, кто только может. Потом Шамиль сказал: “О народы и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вам говорю истину. Я не требую от вас денег, нет, желание мое, чтобы вы сражались с русскими и не имели бы с ними никаких сношений и ей-богу, они не имеют никакой другой цели от этих бедных жителей Чечни и Дагестана, расточая столько денег и погубляя солдат, как только то, чтобы брать вас в солдаты, а жен ваших в матушки (русская женщина), они отберут у вас оружие и даже не позволят иметь ножа, Всех почетных ваших сошлют в Сибирь и вы будете после того как мужики. Вы подождите немного и увидите, что будет после, и вы будете раскисаться и грызть себе пальцы, но ничто вам тогда уже не поможет”. ПОХОД ЕВДОКИМОВА В ДАРГО-ВЕДЕНО Через месяц после возвращения Шамиля из чеченского собрания [в это время Евдокимов с войском стоял в сел. Басан-Мирза]. Евдокимов с войском остановился в селении Басан-Мирза; в Чечне 15 числа раджаба 1275 (1858) г. Шамиль выступил против него в с. Тавзан и приказал сделать завалы в овраге (по которому подымается дорога к Тавзану). Русские занялись рубкою леса и разработкою дорог. В лесу произошла большая перестрелка, от которой русские много потерпели. Упрочив за собою все стороны и исправив дороги, в туманный день Евдокимов с войском пришел с 3-х сторон в Тавзан. Войска Шамиля, бросив без выстрела завалы, бежали в селение Алистанджа. Шамиль оставался там 20 дней и приказал построить перед селением Алистанджа завалы. Потом приказал жителям селения Дарго, переселиться в Ичича. Шамиль, видя, что войско его много терпит от недостатка провианта и холода, потому что тогда выпал снег, приказал сжечь Алистанджу и отступить к Дарго. Потом велел укрепить Дарго, поправить завалы и приготовить в селении все к защите. Ночью показался авангард конницы отряда Евдокимова на горе, а пехота на площади около Дарго, где они и остановились лагерем.

Это место стало, как небо в ясную ночь, усеянное звездами, так много было палаток, лошадей, орудий, людей и других припасов. Конница бросилась к Дарго, сопровождаемая залпами из орудий и ружей, а также и из горы стреляли в нас из орудий. Мы вышли против них с конницей и орудиями и мужественно защищались, бросая в центр русских ядра и гранаты и стояли твердо, так что не могли расстроить ряды наши, и мы несколько не понесли потерь. Русские отступили и мы возвратились. В эту ночь все наибы собрались в доме у Шамиля и просили его, чтобы он вышел из Дарго. Шамиль согласился удовлетворить их просьбы и, оставив в Дарго сына своего Кази-Мухаммада с 3500 чел. и 13 наибами, сам же с приближенными и некоторыми наибами вышел и остановился в с. Эрсеной в 3,5 верстах от Дарго. Потом каждый день происходили перестрелки и схватки. Русские окружили Дарго, однако же Евдокимов не смог взять Дарго штурмом, но перехитрил мюридов. Он траншеями дошел до Дарго, начал бросать ядра, бомбы и гранаты, что очень ослабило осажденных. В четверг 23 рамазана целый день продолжалась сильная канонада со всех орудий по Дарго, так что залпы слились в один протяжный гул и кроме дыма и пыли ничего не было видно. К вечеру, когда осажденные приготовились к совершению намаза, русские вдруг, как саранча, бросились с криком с 4-х сторон на Дарго, мусульмане не в силах были выдержать штурма, бежали, там оставалась горсть храбрецов, чтобы забрать оставшиеся пожитки, и взяв их, пришли вслед за главными силами в Харачи. После того как русские завладели Чечнею, Шамиль потерял всякую надежду на возвращение оной, отправился в с. Старое Дарго. С этого времени Шамиль день ото дня клонился к упадку. Потеря в этот раз простиралась до 135 убитыми, раненых было около 205 человек.

СБОР ШАМИЛЕМ ЧЕЧЕНЦЕВ ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ ДАРГО По взятии Дарго-Ведено, Шамиль, не видя средств удержать за собою чеченцев, приказал им вторично собраться, и они собрались в сел. Эрсеной. Шамиль сказал им: “Во всем Дагестане храбрее вас нет, чеченцы! Вы свечи религии, опора мусульман, вы были причиною восстановления ислама после его упадка. Вы много пролили русской крови, забрали у них имения, пленили знатных их. Сколько раз вы заставляли трепетать их сердца от страха. Знайте, что я товарищ ваш и постоянный ваш кунак, пока буду жив. Ей-богу, я не уйду отсюда в горы пока не останется ни одного дерева в Чечне”. Но чеченцы, не видя никакой пользы от его речи, оставили его и разбрелись по домам. Шамиль потерял всякую надежду, возвратился с приверженцами в селение Ичича.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ШАМИЛЯ НА ВОЗВЫШЕННОСТЬ КИЛАЛ ИЗ СЕЛЕНИЯ ИЧИЧА Шамиль приказал всем наидам укрепить гору Килал и приготовить войска. Наибы прорыли рвы и возвели завалы. Килал был укреплен. Шамиль перевез туда всю казну, сокровища, орудия и прочие снаряды и провиант, перевез туда жен и детей и, поселившись там с мюридами, приказал сыну своему Кази-Мухаммаду укрепить противоположный берег Андийского Койсу в Ачабота, построить завалы и увеличить число башен, в которых поставит орудия. Шамиль думал, что жители окрестных деревень придут к нему на помощь, когда он их попросит и достаточно тогда будет их для сопротивления русским.

ПОСЛЕДНЕЕ СОБРАНИЕ НАИБОВ И УЧЕНЫХ ДАГЕСТАНА В СЕЛ. ХУНЗАХ Шамиль, услышав, что главнокомандующий князь Барятинский выступил с отрядом, предписал наидам, ученым и почетным собраться на совет в Хунзах 12 зуль-каада 1275 (1859) г., Шамиль остановился в селении Геничутль, в доме аварского наиба Дебира. Наибы, ученые и другие собрались на возвышенности около Геничутля. Здесь произошло большое прение относительно русских. Шамиль, замечая, что наибы и народ хотят изменить ему и передаться русским, приказал всем наидам ученым и сотенным начальникам и другим почетным лицам поклясться, что они не изменят ему и будут сражаться с русскими и никогда не примирятся с ними. Все поклялись, если они изменят, то пусть жены бросят их. Однако же, все изменили

ему потом. Шамиль сказал мне, что Даниель-Султан не клялся. Чего же он хочет? Я пошел к Даниель-Султану и сказал ему об этом. Даниель пришел к Шамилю в дом Дебира и поклялся. Потом Шамиль сказал мне, что Даниель поклялся, однако же не так как другие наибы. Шамиль остался его клятвою недоволен. Шамиль отправился в Карату, а потом на гору Ичича. Прошло так несколько времени. ПОХОД КНЯЗЯ БАРЯТИНСКОГО В ДАГЕСТАН Долго длились беспорядки в Дагестане и дела, которые происходили под крылом русского императора, стали известны всем державам. И все, что слышал император про Кавказ, это было как жужжание мухи или комара (т. е. не обращал внимания на Кавказ). Горцы оставались под бичом Шамиля поработченными, стесненными, не зная какую принять сторону, печальными, с терпением перенося все трудности. Шамиль и его наибы не переставали притеснять народ, напрасно убивать и грабить имущество, он не слушался советов благоразумных, и всякого здравомыслящего считал за глупца, а вредного человека за полезного. Шамиль не переставал назначать наибами людей, известных своей испорченностью и слушать клевету доносчиков, притеснителей. И это продолжалось до тех пор, пока он и его приближенные не потеряли всякую власть. В 1276 (1859) г. главнокомандующий выступил с большим отрядом через Чечню и остановился на возвышенностях Андийских у озера Анди-Ратляд. Народ толпами с покорностью спешил со всех сторон. Главнокомандующий ласково принимал покоренных и делал щедрые подарки. Все прельстились его щедрости, какой они у Шамиля не видели и спешили придти с покорностью, чтобы получить подарок. Они забыли Шамиля и данную ему присягу, прельстясь золотом и серебром, а еще больше обещаниями оградить их от переносимых ими насилий и притеснений. Даже самые приближенные, доверенные его лица, наибы и самые дети в тайне хотели передаться русским. А Шамиль между тем этого не знал. Главнокомандующий оставался там долгое время, приказав разрабатывать дороги. Мирза Шамиля Эмир-Хан Чиркеевский, услышав о щедрости главнокомандующего с печатью имама явился к нему, но кажется ничего не получил. Барон Врангель по приказанию главнокомандующего из Буртуная двинулся к Сагритлохскому мосту. Шамиль, услышав о приближении барона Врангеля к Сагритло, приказал наибам сломать мост, устроить завалы и защищать переправу. Но они с неохотой защищали его. После небольших перестрелок русские переправились через Койсу и наибы возвратились к Шамилю. Шамиль сам выезжал с войском, когда барон Врангель переправлялся, но найдя это бесполезным, с семейством возвратился в Ичича. Все окрестные общества после переправы пришли с покорностью к барону Врангелю. Командующий войсками на Лезгинской линии князь Меликов по приказанию главнокомандующего с отрядом выступил из Закатал, через Цунта. С появлением его пришли к нему с покорностью жители Цунта, Анцух, Таш, Тумарал, Анцрасо, Хонал, Гобелал, Тиндал. Он расположился с отрядом в месте Ачабота. В это время Дагестан сделался, как вдоль разрезанное брюхо, в котором показались все кишки и внутренности. Когда Шамиль услышал, что князь Меликов с отрядом остановился в Ачаботе и ему покорились упомянутые общества, то он пал духом и лишился всякой надежды, потому что он надеялся на эти общества, отцы которых тоже были во вражде с русскими. Шамиль говорил, что Авария принадлежит потомкам русского князя Сурака и это ничего не значит, если русские завладеют ею, потому что они и прежде ею владели, лишь бы только те общества остались в нашей власти, тогда они придут и помогут нам. Начальник Казикумухского ханства генерал-майор князь Тарханов в то же время двинулся из Казикумуха к укреплению Чох. Чохцы и наиб, находившийся там Исмаил сдались, потом сдались ему укрепления Согратль, Эриб, Расиб, Магар и покорились ему все жители этих обществ. Последних трех укреплений наибом был

Даниель-Султан, который прислал сначала сына своего Муса-Бека к Тарханову, потом и сам явился к нему на высотах Чавзу-Меэр, Лардабора, откуда отправился к главнокомандующему. Генерал-майор Манюкин из Шуры с отрядом двинулся через Иргани, завладел укреплением Араканы. Ему покорились все койсубулинцы. Начальник Даргинского округа полковник Лазарев из Кутишей двинулся с отрядом и завладел Уллу-Калою, Кикунами, Маалибом, Кородою, Куядою, жители которых пришли к нему с покорностью. После этого горцы поступали кто как хотел, по произволу: кто шел к русским, кто оставался дома, а некоторые последовали за Шамилем. БЕГСТВО ШАМИЛЯ С ГОРЫ ИЧИЧА (КИЛАЛ) НА ГУНИБ Когда Шамиль увидел, что народ, наибы и даже самые приближенные изменили ему и что он окружен с 4-х сторон русскими, то, оставив в Ичичах орудия, хлеб, много железа, медной посуды, постели, одеяла и другую домашнюю утварь бежал с горстью мюридов на Гуниб, взяв с собою на 6-ти лошадях деньги, золото и серебро, на каждой лошади по 4 тыс. руб., на одной лошади разные драгоценности, на 17 лошадях книги, на трех лошадях ружья, на 3-х лошадях пашки, пистолеты, кинжалы, панцыри, на 40 лошадях вещи и платья жен, сукно и прочее. В четверг 4 сафара 1276 (1859) г. Шамиль выехал с гумбетовцами и их наибом Уцми, они провожали его до моста Конхидатского, а там, распростившись с Шамилем, со слезами на глазах возвратились домой. Шамиль остановился в Карате, в доме сына своего Кази-Мухаммада. Боясь, что русские, которые были уже в Аварии пресекут ему путь, в тот же день он выехал из Карата в Гидатль, на третью ночь по выезде из Ичича Шамиль с 40 мюридами остановился около сел. Телетль на возвышенности Борешт-Тляра (что значит площадь, где останавливается войско). Шамиль был в большом страхе. Вдруг к вечеру Шамиль узнал от карахца, что чохцы покорились и русские заняли укрепление. Шамиль и сын его Кази-Мухаммад еще больше испугались и сказали: “Кажется, что лучше укрыться на горе Ротлата-Меэр (Чемодан гора [На Чемодан-горе, во время походов князя Аргутинского, Кибит-Мухаммад построил несколько саклей, в коих можно бы было укрыться во время опасности]) или же поедem в Тиндал [В то время Шамиль еще не имел известий о занятии Тиндала князем Меликовым]. Это самый храбрый народ Дагестана!” Некоторые предлагали Шамилю ехать в Табасаран. Шамиль и Кази-Мухаммад вызвали охотника, который бы отправился на Гуниб к сыну его Мухаммад-Шафи, чтобы осведомиться, действительно ли взято укрепление Чох и стоят ли там русские? Они говорили: “Кто доставит нам это сведение, того мы щедро наградим”. Все молчали и никто не отвечал. Когда я заметил, что Шамиль в большом беспокойстве и страхе, то сказал: “Я в эту темную ночь сослужу тебе службу эту, имам, или умру на дороге”. Верхом с товарищем я отправился в дорогу. Перед Ругуджами мы встретили ругуджинскую стражу, товарищ мой бежал, они остановили меня, расспросили куда я иду, и когда я рассказал им свой замысел, то они указали мне путь. Получив ответ от Мухаммада-Шафи, я к утру возвратился обратно к Шамилю. Я застал его в сильном волнении, он намеревался ехать в Гидатль и сам не знал, что делать. Я подал ему письмо и передал салам от сына. Прочитавши письмо, Шамиль обрадовался, что сын его еще жив и здоров [Некоторые в то время говорили, что сын Шамиля, Мухаммад-Шафи убит]. И таким образом доставив сведения Шамилю, я был причиной того, что Шамиль решился отправиться на Гуниб. По дороге в Гуниб я встретил между стражею некоторых знакомых, которые секретно передали мне, что брат мой Даудилау покорился, и что если Шамиль об этом узнает, мне будет нехорошо. Я сказал им, что поеду в Гуниб взять деньги свои у некоторых людей, а семейство и вещи мои в следующую ночь будет в таком-то месте. Когда я возвращусь, то вы дожидайтесь меня там-то и потом мы поедem, возьмем семейство и вещи, а я возвращусь к брату в Чох. Такое действительно и было мое желание, но имение мое, оставленное в Карахе у Бук-

Мухаммадиль-Кула было ограблено куядинцами, я принужден был ехать к Шамилю на Гуниб.

ВСТУПЛЕНИЕ ШАМИЛЯ НА ГУНИБ В среду, 9-го сафара 1276 (1859) г., Шамиль с семейством, некоторыми приближенными и мюридами, прибыл в Гуниб. Из всего имения, казны и драгоценностей, которые он взял с собою на вьюках из Ичича, не осталось ничего, кроме оружия, которое было у него в руках и лошади, на которой он сидел. Телетлинцы, ругуджинцы и куядинцы ограбили все это ночью на дороге, не доезжая до Ругуджи; однако же на Шамиля не нападали. Когда Шамиль прибыл на Гуниб, то начали стрелять из орудий в знак радости. Я с сыном оставался целый день в Ругудже, но услышав, что имение мое ограблено, и получив сведение, что жена моя, вслед за семейством Шамиля уехала на Гуниб, в четверг ночью и я отправился туда же. Шамиль очень обрадовался, потому что он полагал, что меня убили и сказал: “Не беспокойся, за потерю имения и тебя вознагражу”. В субботу со всею конницею, которая находилась на Гунибе, Шамиль выехал осмотреть эту гору и дороги, приказал укрепить слабые места и поставить стражу, исправить завалы и прокопать в иных местах рвы. Потом Шамиль взглянул на своих спутников и нашел около себя только немногих наибов: андийского наиба Дебира, хунзахского Дебира, согратлинского Нур-Мухаммада и несколько приближенных. Прочие же изменили ему и ограбили сокровища его. Шамиль опечалился и впал в раздумье, потом продекламировал следующие стихи арабского поэта: “У меня были братья, которых я считал панцырями. Но вот они стали моими врагами. Я считал их за меткие стрелы. Да! Они были таковы, но только теперь в моем сердце”. Потом Шамиль сказал: “Ей-богу, если бы я доверял русским, то непременно теперь помирился бы с ними, чтобы они дозволили уехать мне в Мекку, чтобы посмотреть потом на горцев, как они будут раскаиваться, когда начнут вертеть на их головах жернова мук и наказаний, каково будет положение наибов и дагестанцев, когда их начнут брать в солдаты и заставлять их платить за все потерянное ими, русскими со времен Кази-Мухаммада, Гамзат-бека и в мое время до сего дня. Нет сомнения, что это истина, но горцы этого не узнают! А если бы я был в Дагестане, то русские не могли бы этого сделать, как не могли и прежде, когда я был в Ахульго и Шубуте”.

ПРИБЫТИЕ ШАМИЛЯ НА ВОЗВЫШЕННОСТЬ КЕГЕР Главнокомандующий, прибыв на возвышенность Кегер, приказал войскам, расположенным в окрестностях Гуниба, окружить его и занять все тропинки. До прибытия главнокомандующего приходили жители Ругуджи, Хиндаха, Кудали, приносили соль и съестные продукты и передавали разные известия, но с прибытием главнокомандующего все тропинки были заняты так, что после того никто не мог пробраться на Гуниб. Потом главнокомандующий приказал барону Врангелю послать к Шамилю благонадежного человека для мирных переговоров. Полковник Али-хан Аварский, посланный бароном Врангелем, приблизился со стороны Хоточа к Гунибу и закричал: “Эй! Подойдите для мирных переговоров! Главнокомандующий очень милостив и сожалеет о ваших женах и детях, боясь, чтобы они не попали под ноги солдат. Вы будете после раскаиваться, но это не принесет вам пользы!” Шамиль приказал ответить, что он завтра вышлет своего сына Кази-Мухаммада, и чтобы Али-хан завтра приехал с Лазаревым и Даниель-Султаном к большому завалу, что у входа на Гуниб.

ПЕРЕГОВОРЫ О МИРЕ МЕЖДУ КАЗИ-МУХАММЕДОМ И ПОЛКОВНИКОМ ЛАЗАРЕВЫМ В четверг 10-го сафара полковник Лазарев с Даниель-Султаном и другими лицами, по приказанию главнокомандующего, приехал и остановился у стены Гуниба, неподалеку от дома Мухаммада Кудалийского. Шамиль выслал к ним меня и сына своего Кази-Мухаммада [На мне был тогда панцырь Шамиля, стоявший 400 рублей, который ему подарила жена Аслан-хана казикумукского, вместе с другими вещами, во время взятия Шамилем Кази-Кумуха]. Мы подъехали к русским и начались переговоры. Полковник Лазарев сказал: “Мы собрались сюда для того, чтобы

приискать лучшее на настоящее и будущее время, оставить вражду и заключить мир; успокоить Шамиля, его семейство и приближенных, где захотят; а если Шамиль пожелает отправиться в Мекку, то он будет отпущен с большими подарками от Императора”. Долго продолжались переговоры. Кази-Мухаммад сказал, по приказанию Шамиля: “Вы изменники. Сколько раз мы с вами заключали мир и оставляли сражаться, но ничего от вас не видели, кроме измены и обмана. Мы никогда не поверим словам главнокомандующего или другого какого лица. Мы не нашли в словах генерала Граббе, Фези и Клюгенау ничего, кроме обмана и нарушения договоров, прежде сего заключенных. Как же нам теперь верить вашим словам?” Полковник Лазарев ответил: “Не возобновляй прошедшего. Что было, то было. Лучше взгляни на настоящее и размысли о последствиях! Знай, что я желаю устроить ваше дело как возможно лучше. Ты не должен смешивать прежних генералов с настоящим главнокомандующим. Этот — наместник Императора. Каждое приказание его - слово и дело самого Императора. Он во всем доверенное лицо его”. Эти слова Лазарев подтвердил клятвой. Потом продолжал: “Скажи Шамилю, чтобы он положился на мои слова! Здесь нет никакой измены. Я желаю вам добра и вы не должны обращать внимания на слова других. Пусть знает Шамиль, что этот главнокомандующий делает то, что хочет, и никогда не изменяет своих слов”. После этих слов Лазарев возвратился, передав нам сказать Шамилю следующие условия мира: если угодно будет Шамилю отправиться в Мекку, то он может взять с собою кого пожелает; его проводят до границы Турции, дадут конвой и лошадей под съезд, и наконец, дадут ему какие-нибудь подарки. Если же он не захочет ехать в Мекку, то может выбрать место в Дагестане, где пожелает, только не на Гунибе, и там поселиться; остальных же его спутников поселят и успокоят там, где последние пожелают. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ И ПЕРЕПИСКИ О СДАЧЕ ШАМИЛЯ И ВЗЯТИЕ РУССКИМИ ГУНИБА На другой день после переговоров, получено было письмо главнокомандующего с послами Курбан-Мухуммадил-Бацадийским, Мухаммедом Хуцийским и Мухаммадом Дженгутаевским, в котором подтверждались условия мира, предложенные Лазаревым. Мюриды были собраны и прочитано письмо. Произошло много толков. Шамиль говорил: “Это русские хитрят, чтобы только выманить нас из Гуныба”. Другие говорили, что такие люди, как сардар не должны обманывать. Наконец, чтобы убедиться в истинности содержания полученного письма, Шамиль приказал хунзахскому наибу Дебиру и Чиркеевскому Юнусу отправиться к главнокомандующему, с письмом [письмо это было написано мною] следующего содержания: “От раба божия Шамиля, великому сардару, главному вождю, генерал-адъютанту князю Барятинскому! Мир вам, похвала и приветствие! К нам прибыли почтенные послы с священным письмом вашим. Мы прочитали его и поняли содержание. Посылаем к вам от нас двух послов для лучшего объяснения условий мира и обеспечения пути нашего в Мекку. Мы надеемся, что вы выслушаете их и дадите ответ”. Послы словесно предложили от Шамиля главнокомандующему следующие условия мира: чтобы дать Шамилю около месяца сроку, пока он приготовится к дороге в Мекку; послать для сопровождения его какого-нибудь благонадежного человека, чтобы на пути до границы Турции никто его не обидел; а тех мюридов, которые останутся в Дагестане, успокоить там, где они пожелают. Когда послы возвратились, то Шамиль сказал народу: “Я хотел заключить мир для вас. Сардар предлагал хорошие условия, и чтобы убедиться в справедливости оных, я посылал к нему двух послов. Теперь послушайте, что они скажут”. Послы сказали: “Все что русские говорят — это ложь; потому что у них на языке одно, а на сердце другое. Мы от них не получим никакой пользы!” Тогда народ сказал: “Благодарим тебя, имам, что ты желал для нас примирения; но если русские хитрят, то мы лучше будем сражаться, пока умрем; и ты сражайся, имам!” На другой

день Шамиль получил второе письмо, написанное по доверенности главнокомандующего, в котором кратко было спрошено, согласен, ли Шамиль на упомянутые предложения, или нет. Когда письмо было получено, меня не было. По поручению Шамиля Абдурахман, зять его, написал ответ [к этому ответному письму ее была приложена печать Шамиля] главнокомандующему, что с мечом в руках они дожидаются русских. Главнокомандующий, прочитав ответ Шамиля, приказал приступить к осаде. Войска двинулись со всех сторон и заняли все важные пункты. Некоторые говорили, что Гуниб нельзя взять хотя он и осажден со всех сторон. И сам Шамиль в совещаниях на Гунибе часто повторял: “Вы ничего не думайте о русских! Они скоро увидят бесполезность осады и возвратятся. А что они обложили нас такою массою войск, так это только для того, чтобы испытать нас. Сколько раз они гонялись за нами! Однако же и мы будем преследовать их с шашками и поступим теперь с ними, как с князем Воронцовым. Будьте покойны!” Так Шамиль ободрял осажденных и воодушевлял их сражаться. Прошло несколько дней. Мы, сколько могли, вели перестрелку, копали рвы и укрепляли Гуниб. Шамиль помещался у главного завала, в доме глухого Гаджи Мухаммеда Куралийского. В понедельник ночью 8-го рабиул-анвала, за два с половиной часа до рассвета русские двинулись на Гуниб со всех сторон. Во время утренней молитвы, мы слышали тревогу. Прискакавший мюрид известил Шамиля, что русские пошли на Гуниб с южной стороны и что Мухаммад Куралийский убит. Шамиль тотчас со мною и четырьмя мюридами, находившимися при нем, отправился в селение; прочие же мюриды остались у главного завала внизу. Узнав по пушке, которая после выстрела была сброшена в овраг, что Шамиль бежал в селение, они прекратили перестрелку и хотели бежать вслед за Шамилем; но, заметив, что партия русских ищет навстречу им, они укрылись в лесу. В то же время другая партия русских прорвалась снизу через главные ворота и стала направляться в селение. Пропустив сию последнюю мюриды с кинжалами бросились на нее и нанесли бы ей много вреда, если бы не подоспели на помощь ей войска, поднявшиеся со стороны Ругуджи. Все эти мюриды были или убиты, или взяты в плен; никто из них не успел пробраться в селение к Шамилю. Это были самые храбрейшие. Если бы эти мюриды успели достигнуть селения, то дня три продолжалась бы осада селения Гуниб. Шамиль, я и три мюрида вошли в дом его. Земля нам тогда показалась тесною, после такого простора! Все хитрости Шамиля истощились, предположения его не сбылись и его постигло раскаяние. Он потерял все. В селении оставалось не более 40 человек мужчин; женщины взяли ружья и шашки и приготовились к защите. Шамиль со мною и несколькими мюридами отправился в мечеть, где мы также приготовились защищаться. Кази-Мухаммад и Мухаммад-Шафи, преследуемые русскими со стороны Хоточа, с несколькими мюридами прискакали в селение, которое тотчас же со всех сторон было окружено русскими. Пули сверху и снизу полились, как град. Напуганные женщины и дети с криком и плачем падали на улицах. Но вдруг русские протрубили отбой и закричали нам отовсюду, чтобы мы выслали благонадежных людей для переговоров. СДАЧА ШАМИЛЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ Когда увеличились крики со всех сторон, чтобы кто-нибудь из доверенных Шамиля был выслан к главнокомандующему, Шамиль позвал меня и приказал идти заключить мир с русскими и просить пощады. Я вышел из селения с товарищем Юнусом Чиркеевским. Некоторые мюриды стреляли по русским — я приказал им остановиться. Я посмотрел на все четыре стороны: все было покрыто русскими. Когда они увидели меня, то закричали вдруг: “Иди сюда! Иди сюда!” Я отправился к тому, кто был поближе. Это был какой-то генерал. Я спросил: “Кто это такой?” Мне сказали, что это генерал Кесслер. Затем ко мне подошли поручик Смирнов и армянин Захар и сказали, что генерал Кесслер приказал отобрать у нас оружие и возвратить когда будет заключен мир. Я отдал

Захару шашку, а ружье и пистолет Ибрагиму Чохскому. Заметив, что через Кесслера дело наше не может быть покончено, я сказал Юнусу: “Пойдем от него; у него, кажется, не было другой цели, как только отобрать у нас оружие!” Оставив Кесслера и оружие наше в руках его переводчиков, которые не возвратили нам его и по сие время, мы встретили другого генерала, с которым был Даниель-Султан. Генерал этот спросил нас: “Где Шамиль, отчего он не сдается и зачем вы пришли?” Я отвечал: “Вы нас звали”. Тогда этот генерал приказал Гасан-хану казикумухскому отправить нас к главнокомандующему. От Даниель-Султана я узнал, что это был барон Врангель. Я нашел его умным человеком. На пути мы встретили полковника Лазарева, который указал нам дорогу к главнокомандующему. Князь Барятинский принял нас очень ласково и сказал нам, чтобы мы представили ему Шамиля. Возвратясь в селение, мы застали Шамиля, Кази-Мухаммада с семейством и мюридами в мечети. Мы сказали Шамилю, что главнокомандующий просит его, чтобы он пришел, и что не будет никакой измены. Но Шамиль уже приготовился защищаться, положив перед собой шашку и заткнув полы за пояс. Он решился умереть, а потому отвечал нам: “Вы должны сражаться, а не говорить мне, чтобы я шел к главнокомандующему! Я хочу сражаться и умереть в этот день”. Кази-Мухаммад же сказал Шамилю: “Я не хочу сражаться, я выйду к русским; а ты, если хочешь, то дерись!” Шамиль очень рассердился; даже женщины, которые находились в мечети с оружием в руках, стали стыдить и ругать Кази-Мухаммада за его трусость, а некоторые проклинали его. В таком положении мы оставались до четырех часов. Затем, Шамиль, видя измену сына, согласился идти к главнокомандующему. Мы все обрадовались. Одев Шамиля, мы посадили его на лошадь, причем он, обратясь к детям своим, сказал им: “Будьте покойны теперь, Кази-Мухаммад и Мухаммад-Шафи! Вы начали портить дела мои и dokonчили их трусостью”. Шамиль выехал из селения в сопровождении пеших мюридов. Увидев его, все войска, которые находились вокруг селения, закричали: “Ура!”. Шамиль испугался и возвратился в селение, думая, что его обманут и убьют. Но один, из числа мюридов, Мухаммад Худанат-оглы гоцатлинский, сказал Шамилю: “Если ты побежишь, то этим не спасешься; лучше я убью сейчас Лазарева и начнем газават (драться за веру)”. В это время впереди русских отдельно стоял полковник Лазарев, который заметив нас, оказал: “Куда вы возвращаетесь?! Не бойтесь! Между нами не будет измены”. Шамиль возвратился и подъехал к барону Врангелю, который поздоровался с ним, отправил его к главнокомандующему. Доехав до ставки главнокомандующего, Шамиль слез с лошади; здесь взяли его и представили главнокомандующему. Между тем барон Врангель приказал мне привести к нему Кази-Мухаммада и Мухаммада-Шафи с женами, и все семейство Шамиля. Я вошел в мечеть и нашел там Кази-Мухаммада и брата его с мюридами. Когда он увидел меня, то опросил: “Где ты оставил отца моего?” Я ответил ему: “Разве ты не знаешь, что я оставил отца твоего у сардара, который отвел его в свою палатку”. Потом сказал ему: “Чего ты хочешь теперь?” Кази-Мухаммад отвечая: “Я хочу сражаться, пока не убьют меня!” Я сказал ему: “Если бы ты желал сражаться, то сражался бы прежде, а теперь война кончена. Вставай и пойдем со мною!” Я взял его с братом и всем семейством и повел к барону Врангелю, который дожидался их неподалеку от селения. Барон Врангель, приняв их, сказал мне: “Я очень доволен твоею службою и никогда этого не забуду”. После того я уже не видал ни Шамиля, ни главнокомандующего, ни барона Врангеля. Таким образом я был посредником при заключении мира. Во время захождения солнца я пошел к своему семейству и нашел жену и детей плачущими. Все имение наше было разграблено милиционерами, так что даже иголки не осталось. Жена начала упрекать меня и сказала: “Ты столько лет служил Шамилю, что же ты получил?” И в этот день, когда все стерегли свои вещи, ты был посредником между Шамилем и русскими, а имение

твое ограбили милиционеры”. В эту ночь я с женою и детьми, почти голыми, с непокрытыми головами и босыми пошли и в полночь достигши до Хиндаха, остановились там у своих кунаков. Я понес тогда убытку на 2250 руб., кроме оружия, лошади и часов; кроме того 137 книг, которые я получил от отца, были потеряны. У меня даже на абаз не осталось имения, кроме одежды и кинжала, которые были на мне. Хотя жена моя и успела сберечь, привязав под рубашкою, вещей и денег почти на 280 руб. но через семь дней и эти вещи и деньги пропали в доме моего кунака, у которого я остановился и отдал их ему на сбережение, когда ездил к полковнику Лазареву. Я знаю и теперь вижу, как вор проживает мои деньги и вещи, и прошу Бога, чтобы он помог мне возвратить их. Я еще не видел большего несчастья, как в день заключения мира; тем более, что жена и дети мои привыкли прежде к сколько-нибудь порядочной жизни, после того же остались голодны, голы и босы. Но, однако, я постарался забыть это несчастье, потому что рад был, что сам остался жив и не посмел уже жаловаться, что имение украдено. Русские начальники помогли мне и дали средства содержать семейство.

ДЕТИ ШАМИЛЯ И ИХ ДЕЙСТВИЯ В ДАГЕСТАНЕ Что касается до старшего сына Шамиля, Джамалэддина-Ахмеда, то он был умнейший и образованный человек. Он умер (да смилосердится над ним Бог!) в 1274 (1857) году и погребен в селении Карата. Младший сын его Мухаммад-Шафи, был юн и неопытен. Он не имел никакой власти, постоянно делал скандалы и волочился; однако в нем было одно хорошее качество — это щедрость. Что же касается до среднего сына, Кази-Мухаммеда, то Шамиль подчинил ему всех наибов, передал ему власть над всем Дагестаном, думая, что он будет подражать ему. Шамиль говорил: “Я сделался уже слаб и голова моя уже поседела; потому хочу поручить все дела сыну; сам же буду готовиться к смерти и молиться Богу”. Народ называл Кази-Мухаммада имамом. Наибы постоянно льстили Шамилю, что сын его, Кази-Мухаммад, хорош, хвалили его поступки и скрывали от него дела его, заслуживающие порицания. Этим они изменяли Шамилю. Они упростили поручить все Кази-Мухаммаду, чтобы пользоваться его слабостью и неопытностью. Они говорили в лицо Шамилю: “Сын твой хорош и даже умнее тебя”. Между тем как сами знали, что в Кази-Мухаммаде скрывается много низкого, что он скуп, дурного характера и трус. Народ считал его хорошим человеком, потому что он, как женщина, постоянно улыбался каждому, даже самым большим врагам своим. Мугаджиры и храбрецы постоянно старались грабежам увеличить казну его. Сколько храбрых Дагестана пало на берегах Куры и Алазани! Сколько героев было пленено и умерло в русских кандалах, жены и дети которых остались без всякого призрения! Сколько мугаджиров погибло на границе Акуши и Шамхальства, пронзенными в грудь штыками солдат! Таким образом горцы старались возвысить Шамиля и доставить славу и богатство его сыну. Несмотря на то, что дагестанцы никогда не подчинялись узденям, подобным себе, и были хищны, как волки, и как львы бросались, чтобы завладеть добычею; но эту добычу они отдавали Шамилю! Многие были убиваемы под предлогом, что они не отдавали законную часть в байтул-мал, и все их имение было конфискуемо. Сначала Шамиль, если приказывал убить кого-нибудь, то брал свое имение, приобретенное в набегах и наследственное, не оставляя ничего семейству убитого, которое в таком случае принуждено было идти жить по чужим людям; потом же он приказал наибам наследственное имение оставлять женам и детям убитого. Но наибы не исполняли приказания Шамиля, и при содействии Кази-Мухаммада, с которым они пополам делились, убивали многих, чтобы завладеть имением, и тем самым ослабили власть Шамиля и уронили дух в народе. Последствием такой меры было то, что число мужчин уменьшилось, а число женщин увеличилось. Настали неурожаи и разные болезни постигли народ. Клянусь Богом, горцы иногда по десяти дней и более принуждены были от голода есть траву и несмотря на такое свое

положение, они повиновались Шамилю и его сыну. Наконец русские вошли со всех сторон в Дагестан. Народ не знал, что делать. Шамиль, не обращая внимания на подчиненных, сжег многие селения, бежал на Гуниб и оставил горцев, как овец, рассыпавшихся в разные стороны. Гнев Божий снизошел на Шамиля и Бог попустил его врагам завладеть казною его, драгоценностями и именем. Так неприлично же Кази-Мухаммаду упрекать жителей Дагестана, что они поступили так, а не иначе, и оставили Шамиля и его семейство без всякой помощи. Неужели они не стыдятся перед теми, которые его очень хорошо знают, так говорить и упрекать дагестанцев, когда они в продолжение стольких лет были покорны Шамилю и так храбро сражались за них. Ей-богу, если бы горцы не были так храбры, то дети Шамиля теперь жили бы в Гимрах и занимались тем же, чем занимались предки их: схвативши осла за хвост, они гоняли его на плоскость и в горы — летом продавали курагу, а осенью — лук. Дагестанцы перенесли от Кази-Мухаммада все, что только может перенести человек; он даже душил некоторых своих мюридов, приближенных и ученых, когда нельзя было убивать их открыто. Если бы можно было горцев выучить, как ишаков и посылать в лес за дровами, то это делал бы Кази-Мухаммад. Так поступал он и управлял народом, который, видя расположение Шамиля к нему, боялся жаловаться на него. Что же касается до его храбрости, то я расскажу одно случившееся в Дагестане происшествие. Когда Аслан-хан Казикумухский прибыл в селение Хосрек с войском, чтобы завладеть престолом своего дяди Сурхай-хана, который был не в ладах с русскими, то сын Сурхай-хана вышел с войском навстречу Аслан-хану и сказал: “Ей-богу, я не возвращусь с этого места, пока не умру”. И он действительно сражался до тех пор, пока не был убит. Отец его вышел с войском и шел на помощь, но на дороге встретил его на носилках уже убитого. Ему сказали: “Сын твой убит”. Сурхай-хан отвечал: “Необходимо было такому сыну, как он предпочесть жизни смерть, когда он видел, что такой отец, как я лишается престола”. Потом сказал несшим: “Погребите его”, и даже не взглянул на лицо убитого. Вот, какова должна быть храбрость! Если бы в сердце Кази-Мухаммада был хоть золотник храбрости, то он не выехал бы из Караты, но с обнаженным мечом защищал бы вход в Карату, пока не был бы убит, или принял бы яд и умертвил бы себя, или пролил бы хоть каплю крови из своего пальца при потере такого государства, своего имамства и такой казны. Так ценил он свою власть и имамство и такова была его храбрость! Он был очень скуп. Приведу один случай с Мухаммедом Курдистанским. Из Курдистана прибыл один мугаджир по имени Мухаммад. Шамиль очень уважал его и давал ему все, что нужно для жизни. Во время осады Евдокимовым Дарго-Ведено, этот Мухаммад добровольно вошел в укрепление, чтобы драться с русскими. Шамиль отпустил из своего казначейства 1900 руб. сер. Кази-Мухаммаду и приказал раздавать бедным воинам и мугаджирам. Кази-Мухаммад давал по абазу каждому на четыре дня. Мухаммад этот приходит к Кази-Мухаммаду и говорит, что у него нечего есть. Кази-Мухаммад спрашивает: “Кончился ли срок?” Курдистанец ответил, что сроку всего четыре дня, а он кормился на этот абаз семь дней. Кази-Мухаммад не размыслив того, что этот странник пришел издалека и что если он не даст, то ему неоткуда будет взять и что притом же он за него дерется — не дал ему ничего. Курдистанец сказал ему: “Тебя нельзя порицать, если ты не дашь, потому что ты не видел, как дают султаны и сам ты не султан, а если дашь, то и хвалить тебя не за что, потому что обычай султанов щедро давать”. Но Кази-Мухаммад все-таки не дал. Курдистанец вышел из укрепления и пошел к Шамилю. Такова была скупость Кази-Мухаммада! Дети Шамиля в детстве своим видели ежедневное возрастание власти и богатства отца, — как это известно всем. Когда же они достигли совершеннолетия, то глаза их не насыщались богатством и славою, роскошью и женщинами. Они завладели всеми сокровищами дагестанских ханов, даже богатствами грузинских князей, не оставили в руках

храбрых горцев никакого хорошего оружия, собрали со всей Чечни лучших лошадей, — и все это брали, прося, в виде подарка или безвинно убивая, чтобы только завладеть, а между тем они не думали о том, как живет отец их, Шамиль, который предпочитал хинкал из кукурузы всем затейливым блюдам и когда останавливался кунаком у наибов, то просил угощать себя хинкалом и калмыцким чаем. Но сыновья не довольствовались чуреками из чистой пшеницы, а ели еще плов из рису и кроме китайского чая пили кофе. Они не повиновались Шамилю, как прочие, и очень часто нарушали его приказания, однако же отец, по своей снисходительности и любви к ним, не наказывал их за это, а пропускал как будто не замечая. Наконец, они мюридами, друзьями и помощниками себе избрали песенников и иных неблагонадежных людей. Когда Шамиль замечал им это, то они говорили, что это хорошие люди. Таким образом, наибы подражали в поступках своих детям Шамиля, так что весь народ начал взывать к Богу, чтобы он избавил их от тиранов. И Бог действительно услышал их молитву. Каждый человек должен прежде замечать пороки за собою, потом уже за другими, так и Казимухаммад должен бы взглянуть сначала на себя, а потом упрекать горцев. Таким образом Шамиль должен был отвечать за зло своих детей и наибов. Но если бы Шамиль сам был причиною такого зла, то он не был бы принят так благосклонно Императором, а через него и дети его, заслуживающие порицания, приняты с почтением.

ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ И ПРИЧИНА ПАДЕНИЯ ШАМИЛЯ

Шамиль получал большие богатства, выделяя себе пятую часть из добычи, приобретаемой на всех границах в набегах, производившихся наибами и охотниками. Он не имел никаких рудников, откуда мог бы добывать золото или серебро. Изнутри он имел небольшие доходы. Я был при Шамиле секретарем и вел счет всеми его приходам и расходам. Самые большие доходы Шамиля были со стороны Ириба и Уллукале, где жили мугаджиры. Откуда они делали набеги на Грузию, Акушу и другие места и из добыч своих пятую часть уделяли Шамилю. В 1269 (1852) году, когда была разбита почта, около Елизаветополя, доходу было 15,230 руб. серебром; в 1268 (1851) году — 1613 руб.; сер, и в 1267 (1850) году — 1000 руб. сер. Эти доходы с каждым годом увеличивались и богатства Шамиля постоянно возрастали. Но под конец русские, в особенности охотники, начали занимать выходы, сначала на Лезгинской линии, откуда однажды, в 1271 (1854) году, из ста мугаджиров возвратился только один, вследствие чего прекратились набеги на Джаробелоканский округ, Ширван, Шеки и другие места Южного Дагестана. Мугаджиры усилили тогда набеги со стороны селения Оглы на Цудахар, Даргинский округ, Акушу и другие восточные места, откуда также получали много добычи. Но в 1269 (1852) году в Кутишах было поставлено войско, построены башни, заняты выходы, и не только мюриды и мугаджиры перестали делать набеги, но часто и их стада были отбиваемы храбрым кутюшинским начальником, которого они боялись. Некоторые мугаджиры из Уллукале разбежались, иные были схвачены и под конец их осталось там немного. Когда таким образом все выходы для набегов со стороны Чечни, Дагестана и Лезгинской линии были заняты, то пограничный доход Шамиля прекратился. Имения наибов начали уменьшаться. Горцы, по привычке, начали грабить друг друга, началась междоусобная вражда. Пошли в ход доносы и насилие. Наибы потворствовали такому беспорядку, потому что имели случаи пользоваться чужим именем, наказывая виновных и невиновных по разным несправедливым доносам. Часто из корыстных видов они приказывали умерщвлять людей. Поэтому очень много челобитников стало приходить к Шамилю, жалуясь на несправедливость наибов. Но наибы со своей стороны употребили хитрость: они упростили Шамиля, чтобы для поддержания уважения к наибам, он не принимал жалоб от тех, у которых не будет бумаги от наиба. И Шамиль поддался их гнусному обману. Наибы стали после того походить на голодных волков, которые с жадностью растерзывают

детей своих. Народ прибегал с жалобами к Шамилю, но он выслушивал только тех, которые имели бумаги от наивов. Понятно, что наиб никогда не давал бумаги тому, кого он сам притеснял. Горцы с каждым днем слабели и беднели, им уже надоело сражаться; и они говорили: “Для нас все равно, чтобы ни происходило на свете”. Сначала народ, а потом и сами наибы начали вести переговоры с пограничными русскими начальниками, которые ласково принимали их и делали им щедрые подарки. Шамиль же не знал о такой низости наивов и вполне полагался на них. Таким образом власть Шамиля была уничтожена коварством и изменою наивов и его приближенных, русским войском и золотом.